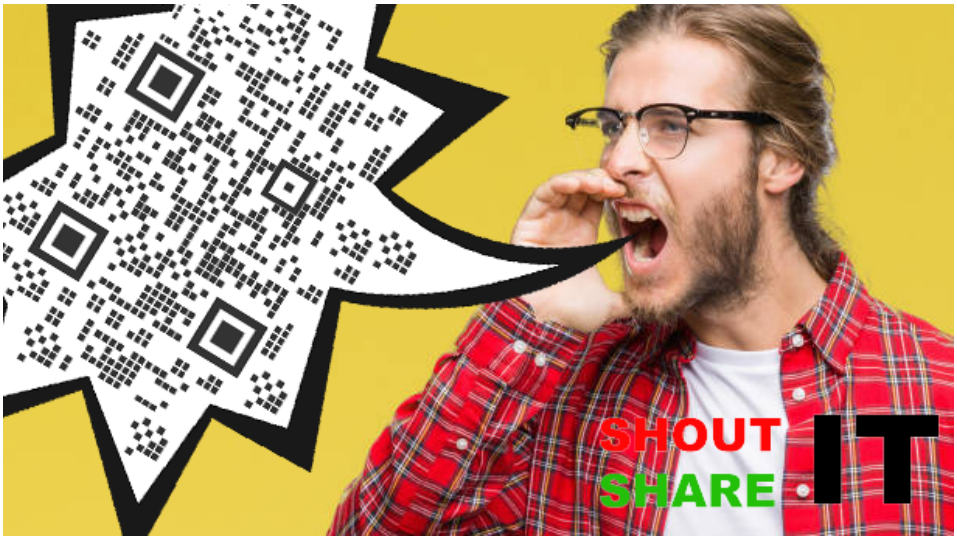
Анита Фротсак

Авель и Мегаполис


SHOUT
SHARE
IT

- Анита Фротсак
  - Глава 0
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16

Анита Фротсак
Авель и Мегаполис
(Из более раннего сборника повестей "Свинья в Эрмитаже")

Глава 0

Старуха не кричала. Надрывалась, стерва…

— Ва-а-а-ся-я-я!!!!!!

Аркадий приостановился, глянул вверх.

— Никак, опять засклерозило? Какой к чёрту Вася?! А Петю не надо?! Старая крокодила… Я думал, ей мерседец пришёл, а она вон как орёт! Тьфу, чтоб я ещё раз связался с ненормальными!..

Аркадий катился вниз по ступенькам, пыхтя, как взломщик-неудачник… Снова засада…

А ведь как благородно всё начиналось!

Глава 1
«Яблоко замедленного действия»

«Две звезды — по одной на брата» — так называют парижане убогий отель без вывесок в районе Понт Кардине. Рядом с ним расположился ночной отстойник автобусов, а людей почти не видно. Стало быть, отель регулярно пуст.

Здесь селятся с безнадёги, когда другие отели битком.

Набив о мебель с десяток синяков, начинаешь думать, а туда ли ты попал. Вопли соседей усиливают сомнения:

— Ты куда меня притащила?!

— В Париж, доча!

— Так это Париж?! А почему душ от стенки отвалился?

— Зато путёвки какие дешёвые! На «Хилтон» я не зарабатываю!

Аркадий Ноев, командировочный из Медведково, к данной конкретной группе туристов не принадлежал, но душой сочувствовал землякам. Это ж надо так с людьми обращаться! Его номер был ничуть не лучше, хотя и одноместный. Обои покрывали не только стены, но и потолок, что, с одной стороны, добавляло уюта, а с другой вселяло тревогу. Не хватало ещё выяснять, кто там ползает, под этими бумажными лохмотьями. Впечатление, будто поселился в обувной коробке.

Утром из такого номера одна дорога: вон, на улицу, да поскорее. Бриться не хотелось абсолютно. К чему такой аккуратизм? Вероятность повстречать на улице знакомых у приезжего почти всегда равна нулю.

Спускаясь по узкой тёмной лестнице, Аркадий вновь услышал крики. На этот раз мужские.

— Ну, французы, мать их!

— Что такое?

— Десять дней скитался по ночлежкам, думал, хоть в Парижике помоюсь, так на ж тебе…

— Мойся, кто тебе не даёт!

— Да я в эту ванну в скафандре не лягу, буду терпеть до Москвы…

Аркадий изумился. Охота им в такую погоду ванны принимать!

Выбравшись из этого гнилого места в центр, он, наконец, ощутил себя в Париже. У него как раз был выходной, и перед вылетом на родину он мечтал расслабиться.

Поэтому без малейшего сожаления покинул гостиницу и с

упоением отдался хождению по улицам…

Прозрачный воздух парижских улиц в марте приобретает розовый оттенок. На фоне этой лепоты шевелятся контуры деревьев, отметая выдумки импрессинистов об отсутствии чёрных линий в природе. На Елисейских полях разгуливает запах булок и пирожных, что тоже портит романтикам всю их романтику. В такой гурманской атмосфере хочется не под руку пройтись, а, воровато озираясь, забежать во все кафе сразу, надкусить всё, что там имеется и, стыдливо пряча глаза, скрыться в местах попроще, в тиши менее престижных улиц. К счастью, таковые имеются неподалёку.

Улочки сразу за Гранд Опера ничем особенным не отличаются, хотя расположились на бойком месте, в самом центре Парижа. На зданиях почти нет вывесок, а те, что есть, более чем непритязательны. Зелёная табличка «Self» и отсутствие каких-либо запахов свидетельствуют о том, что уж в этом-то месте вас точно не разбалуют, и вы интеллигентно, не торопясь и никому не бросаясь в глаза, выпьете минералки или пива, закусив листочком салата. Здесь никому ни до кого нет дела, публика исключительно местная, погружённая в свои проблемы, а посему на иностранцев ноль внимания. Словом, другая планета. Двери тоже не совсем обычные, как в московском метро. Тяжёлые стеклянные створки летают целый день туда-сюда, ибо делать им больше нечего…

Заплатив внизу у кассы, рядом с маленькой витринкой, где навалены бутылки и жестянки вперемешку с бутебродами, Аркадий, торжественно неся перед собой поднос, поднялся по скрипучей лестнице наверх и там, в неожиданно просторном, светлом зале, присоединился к общей трапезе.

После двух бутылок пива ему вдруг показалось, что он уже почти что местный и что ему даже скучно в Париже.

Скучно в Париже! За такие мысли он был немедленно наказан. В смысле, получил незабываемую встречу.

Спускаясь после трапезы по вышеупомянутой скрипучей лестнице, он вдруг заметил внизу на выходе шикарную даму лет пятидесяти в розовом пальто, с бриллиантами в ушах и с седой прической, будто только что из парикмахерской. Дама стояла в позе швейцара и держала — неужто же для него?! — широко распахнутой стеклянную летающую дверь.

«Спросить чего-то хочет», — решил Аркадий и ускорил спуск, вспоминая на ходу, как будет по-французски «очарован».

Однако дама возразила: «Но-но-но!», — что в переводе означало: «Не спешите, буду тут для вас стоять столько, сколько нужно»! И причёсочку поправила, неизвестно какой.

Уже рассчитывая на беседу с une parisienne, так как внизу кроме них двоих и молчаливого кассира никого не было, он приблизился к мадам и кокетливо сказал: «Мерси», на что получил в ответ: «Сильвупле». И всё! Дама умчалась, цокая каблучками, предварительно передав ему тяжёлую стеклянную дверь, что называется, с рук на руки.

Потрясённый и в полном непонимании происходящего, он стал перебирать в уме рассказы о западных нравах. Вспомнил, что на Западе самый популярный врач психотерапевт. После некоторых размышлений пришёл к выводу, что дамочка либо не в себе, либо состоит в какой-то секте, где ноги друг другу моют, а эту воду потом… Тьфу, гадость!

Настроение было отравлено. Аркадий поспешил развеяться в «Галери Лафайетт». Он давно мечтал купить себе одеколон местного разлива. Коллеги, правда, страшно отговаривали, но тридцать долларов на эту цель ещё имелись.

Не успев как следует и в здание-то войти, находясь в тамбуре шириной в полтора гостиничных номера, он снова услышал цоканье.

«Ещё одна!» — подумал он и не ошибся.

Его атаковала другая незнакомка, на сей раз со спины. Выглядела она примерно так же, как и предыдущая: нарядное пальто, бижутерия и все прочие атрибуты были при ней. Да и текст не особенно-то отличался. Громко крикнув: «Месье, сильвупле!», мадам резко пошла на обгон и стремительной ракетой умчалась вперёд, исполнив сумасшедший ритм металлическими набойками и всем своим видом продемонстрировав, что ни в коем случае не хочет задеть его ни сумочкой, ни локтем, ни чем-нибудь ещё.

Оглянувшись, Аркадий снова отметил, что рядом никого.

Быть может, в городе проходит месячник вежливости, и граждане бесплатно тренируют друг на друге хорошие манеры… Ну, а он-то тут при чём? Видно же, что приезжий!

К такому повороту Аркадий был не готов. Получать удары именно сегодня не входило в его планы. Свой заслуженный выходной он собирался провести тихо и со вкусом.

Тут он вспомнил историю сэра Ньютона, отдыхавшего со вкусом и примерно с таким же результатом в саду под яблоней. Но сейчас вокруг него был не сад.

Сметливый англичанин, в отличие от Аркадия, быстро догадался, что почём, после первого же, пробного удара!

Глава 2
«Происки злобной рекламы»

Газетная реклама, как известно, по большей части врёт. Завидных вариантов видимо-невидимо, а реально работать негде.

Какой-то центр каких-то непонятных исследований выпустил объявление о найме инженерно-технического персонала. Технический профиль не уточнялся, но это было не так важно. За долгие годы постперестройки Аркадий научился быть готовым ко всему. Ему не то что технический профиль приходилось менять неоднократно, он даже челночить в Китай наловчился, чтобы хоть как-то продержаться на плаву.

Грянул дефолт 1998-го, он и его не заробел, хотя многие сотрудники сочли это событие настоящим концом света.

Как бы там ни было, увольнялись дружно, всем коллективом, и о Париже пришлось на время забыть. Парижские командировки накрылись вместе с родным институтом, а жизнь неумолимо продолжалась.

Позвонив по объявлению, Аркадий узнал, что первый замдиректора собирается лично встретиться с ним в вестибюле метро. Неплохое начало!

Приодевшись и взяв подмышку в качестве опознавательного знака штатив от фотоаппарата, он пошёл на эту встречу, но своего будущего начальника там не обнаружил.

Вернувшись домой и набрав номер фирмы, услышал сухой ответ: «Вы не выдержали экзамен».

Какой к чёрту экзамен? Снова набрав номер, он услышал ещё более раздраженный голос, подробно описавший ему его внешность и настаивавший на том, что он им не подходит.

Целая неделя была потрачена на размышления, но ответ так и не нашёлся.

«Явно с кем-то спутали!» — решил Аркадий и начал лихорадочно искать выход из создавшегося положения, так как объявления о найме инженеров выходили не каждый день.

Телефон, указанный в газете, был мобильный, и по нему узнать адрес фирмы было нереально.

В конце концов Аркадий пришел к выводу, что неплохо бы подбить на эту авантюру кого-то из коллег, таких же безработных, как и он. Правда, это грозило большими издержками в будущем, лишней конкуренцией, а, может быть, и потерей друзей, но другого выхода не было.

Вскоре, к своему удивлению, а, может быть, и к радости, он

обнаружил, что у них у всех результаты тоже не ахти. Прошел месяц, но никому из его бывших сослуживцев так и не удалось встретиться с мифическим начальником. А странное объявление всё выходило и выходило. Оно даже увеличилось в объёме, и добавилось слово «срочно».

Исчерпав все подручные человеческие ресурсы, не побрезговав подключить к процессу даже злейшего тещиного врага, электрика из РЭУ, Аркадий желаемого результата не получил и сильно пригорюнился.

Неизвестно, чем бы это всё закончилось, но Бог послал ему из провинции племянника. Как ни странно, его приняли.

Странность заключалась в том, что по образованию Шамиль был филолог. Он с отличием окончил Казанский Университет, без ошибок писал и говорил по-русски, что в наши дни уже большая редкость, но его технические навыки решительно ничем не потрясали. Он едва ли мог починить свой собственный утюг.

Вскоре выплыл и ещё один неприятный факт. Племянник ни в какую не раскалывался.

Выведать у него что-либо касательно новой фирмы оказалось пустой затеей.

Отмахивался стандартными фразами типа «научная тайна» или «пока нельзя».

Пришлось по-родственному поселить его у себя. В надежде на будущие откровения…

Минуло несколько недель.

Шамиль каждый день с утра ходил на работу, а в последние дни у него в руках появился чемоданчик типа «дипломат».

Спрашивать о содержимом было неудобно, но догадаться, общем-то, несложно.

Аркадий и сам некогда носил на работу шахматы, бутерброды и пиво. Точно в таком же «дипломате», только другого фасона.

«Ничего-ничего», — думал Аркадий, — «скоро всё прояснится, надо только, чтобы время прошло».

Возможность заглянуть в Шамилев чемоданчик представилась на удивление скоро.

Племянник уехал на выходные за город.

В пятницу вечером, выглянув в окно и убедившись, что Шамиль ушёл достаточно далеко и возвращаться, вроде бы, не собирается, Аркадий метнулся к нему в комнату. Риммочка была поставлена на стрёме у окна.

В чемоданчике, помимо всякого барахла, лежали две замусоленные тетради. Аркадий раскрыл одну из них и прочитал:

«Голова ни у кого не дёргается. Полная безнадёга», «В тюрьму за это не сажают», «Теоретическое убийство» и так далее.

Ого! Вот это работёнка! А он ещё переживал, что его не взяли!

Перевернув страницу, Аркадий лихорадочно продолжил: «Юго-Западная, одиннадцать ноль-ноль. На сто человек двенадцать пальцев».

Почему только двенадцать? А где же остальные? Отрезали, что ли? Неужто отрезали?!

«Вечером уже десять пальцев. Реакция притупилась. Но четверо, всё же, дернули головой. Результат более-менее стабильный. Проверить через неделю»…

Дальше не было сил читать.

Отбросив в сторону тетрадь, Аркадий принялся шарить по комнате в надежде найти хоть какой-нибудь компромат, хотя бы пустячный намёк на состав преступления.

Меньше всего хотелось обнаружить отрезанные пальцы, языки или какие-нибудь другие части тела.

К счастью, ни пальцев, ни изуродованных голов, ни чего-либо похожего обнаружено не было. Запахи разложения тоже отсутствовали, что сильно поднимало дух после такого потрясения. Однако, подозрительные записи, всё же, имелись и требовали немедленного объяснения…

После отъезда Шамиля ему звонила какая-то наглая дама, представлялась врачом из поликлиники. Тон был до крайности развязный. Так обычно выражаются на Тверской при свете фонарей, да, к тому же, изрядно выпимши. Голос был пропитый, хотя и чертовски приятный. Довольно-таки сексуальный.

Господи! Какая поликлиника? Шамиль был здоров как неандерталец, здоровее некуда, и ни в какую поликлинику в Москве не записывался!

Теперь им всем троим реально светила тюрьма: Шамилю — за фокусы с полуживыми трупами, а им с женой — за укрывательство преступника.

Риммочка никак не прокомментировала увиденное, только молча приложила палец к губам. Она всегда чересчур осторожничала…

Глава 3
«Пальцы и ядерная кнопка»

В ночь с воскресенья на понедельник Шамиль вернулся. Собственно, то был очень поздний вечер.

Когда уселись ужинать, Аркадий поинтересовался, как идут дела на фирме.

— Там ведь инженеры требовались, насколько я помню, а ты у нас — филолог, и значит в технике — ни бум-бум!

Аркадий стукнул себя по голове, но племянник не обиделся.

— Вы хотите сказать, что раньше никогда не сталкивались с подобными объявлениями?

— Ну, было дело… Сколько я натерпелся от этой рекламы — не передать! Все пытались из меня, в лучшем случае, торговца сделать…

— А в худшем?! — задёргалась Риммочка.

— А в худшем… предлагали органы продать. Подходят как-то ко мне двое по объявлению и задушевно так говорят: «Некоторым людям ваши органы нужнее. Вы просто обязаны стать донором!» Кстати, деньги неплохие предлагали… Только я не успел спросить, что им конкретно требовалось: печень, почки, или, может быть… пальцы…

При последнем слове он с остервенением глянул на Шамиля. Тот, однако, виду не подал. Аркадий, двинув желваком, допрос продолжил:

— Ну, а сейчас чего им было надо? На этот раз всё без обмана?

— Да нет, обман, конечно, был… Но приятный!

— Это в каком же смысле?

— Только не пугайтесь, ладно? Меня проверили и вынесли вердикт, что я — прямой потомок Авеля!

— Кого-кого?!

— У меня врождённый рефлекс… в организме… «рефлекс Авеля называется». С ним появляется на свет каждый пятый…

— Ни фига себе!

— Вы про ядерную кнопку слышали?

— Так ты определился в ракетные войска?

— Нет, просто нам тоже требуются люди с устойчивой психикой. Кто попало может так нагадить, что вся планета полетит к чертям… Вы не поверите: проект чумовой, а по деньгам — так и вовсе миллиардный!

— С этого места помедленнее! Слишком тараторишь…

— Постараюсь. А самое интересное — чтобы получить эту работу, нужно было, всего-то навсего, проявить себя пай-мальчиком!

— Голубым, что ли?

— Ха! Если бы голубым! Тогда и объявлений давать не пришлось бы. Только свистни — сразу орава набежит А таких, как я, целых три месяца набирали!

— Интересно, по какому принципу?

— Принцип обычный, что-то вроде собеседования, только не в офисе. Вы же помните, как у вас на фирме набирали секретарш?

Аркадий кивнул, а Риммочка поморщилась.

— Ну вот! Сначала смотрят, во что одета, не грызёт ли ногти… Ну, чтоб шефа потом не позорила!

— Ненавижу, когда грызут ногти, — поддакнул Аркадий.

Шамиль продолжил, стараясь артикулировать.

— Следующим этапом её проверяют на сговорчивость и длинноногость…

— Ну, ноги в работе — не главное… — возразил Аркадий как-то неуверенно. Сказал бы уверенней, Римочка бы не поморщилась вторично.

Племянник за реакциями не следил. Он много выпил и теперь с трудом концентрировался на повествовании. Артикуляция местами, всё же, подводила.

— Потом начинается третий этап, самый главный…

— Какой?! — шумно выдохнула Риммочка.

— Не мешай! — цыкнул Аркадий.

— Да знаю я и так! — вдохнула Риммочка обратно выдохнутый воздух, поёжилась и с обречённым видом нахохлилась. Решила больше не встрявать. Покамест.

Аркадию же нетепелось выудить побольше информации.

— Выкладывай скорей, что твой начальничек имел в виду, а то ходишь вокруг да около… Причём тут мои секретарши? Тем более, что бывшие…

— Ладно. Уже закругляюсь. Этап проверки был всего один: первый, он же и последний. Кандидатов проверяли на уровень агрессии…

— Прямо в метро анализы брали?

— Нет! Просто проверяли, способен ли экзаменуемый на беспричинную жестокость…

— Ну и как ты у нас? Способен?

— Раз придерживаю двери, значит не способен… В принципе…

— Хм! Значит, кто каким макаром появлялся из метро, зависела его дальнейшая карьера?

— Ну, примерно…

— Придержал стекляшку и — получай шикарную работу?!

— По крайней мере, внешне всё выглядело так…

— Поздравляю! Тебя попутали сектанты! Не успеешь оглянуться, как и мычать заставят… хором… Потом квартиру оттяпают… Иных они и до петли доводят! Тут за мной тоже… недавно две дуры гонялись по всему Парижу… Тоже сектантки…

Из местных…

Риммочка сильно изумилась, но сказать ничего не решилась. А даже если и решилась бы, ей всё равно бы не дали, ибо в прихожей бренькнул звонок. Она помчалась открывать и узрела на пороге Мироновну, соседку этажом выше.

— Вы так орёте, что спать невозможно, хоть окна позакрывайте, что ли! Римма, у тебя с мозгами лучше, чем у твоего, соображать должна!

— Надежда Мироновна, вы уж извините, но летом окна закрывать не хочется. Мы постараемся не так громко…

Как только Риммочка привела Мироновну, Аркадий прекратил терзать Шамиля и резко переключился на свою давнишнюю любовь. Тем более, что он уже успел надраться.

— Мироновна, здорово! Я по тебе скучал! Садись, давай омоем усталые пломбы!

— Куда ж я, в бигудях-то? Ну, ладно… Я только на минутку…

— Хлопни рюмку, и сон — как рукой!

— Ну, давайте, что ли, все вместе…

Никого особенно не дожидаясь, Мироновна тренированным жестом опрокинула предложенную дозу.

— Всё равно не орите, а то соседи сбегутся… особенно когда унюхают, что наливаете… Вы тут про что… конкретно… рассуждали?

Мироновна, как бы ненароком, зыркнула на красивого молодого азиата, сидевшего за столом. Она изо всех сил притворялась, что видит его впервые, хотя такого быть не могло. Мироновна всегда всё в доме узнавала первой: кто в какой квартире живёт и чем дышит.

— Про что рассуждали? Да про метро! Тебе, я вижу, тоже стало интересно, раз прискакала?

— Ну, и как оно? Ещё не провалилось? Говорят, его чёрные снова взрывать собираются…

Тут Мироновна, уже не украдкой, а совершенно откровенно, глянула на Шамиля. Тот был жгучий брюнет. По всем нынешним приметам — опасный тип. Фактор риска.

— Ладно, так и быть, открою тебе тайну… Ты ведь нам не чужая… Мы тут… теракт планируем…

— К-ккакой… теракт?…

— «Какой-какой»! Абнакнавенный! Вот как раз пришёл наш консультант, щас он тебе всё раскажет… Ты не представляешь, какие бабки крутятся вокруг проекта!

Миллиарды!..

Старуха вскочила — Ну, вы тут работайте… а я пойду… спокойной ночи…

Риммочка бросилась за ней в прихожую.

— Надежда Мироновна, вы ничего такого не подумайте. Мы шутим. К нам племянник приехал, вот и выпили.

— А я смотрю, от кого это каждый день косоглазый шастает? С чемоданчиком! Как-то случайно выглянула в окно, а он — шасть из подъезда… В пиджаке весь, в галстуке весь… А чемоданчик на вид тяжёленький… Я уж подумала — динамит. Уже хотела вопрос поднимать, но раз ты говоришь… Точно племянник?

— Точно, могу паспорт показать. Он из Орехово-Зуево.

— Да не надо, что мы, звери что ли? Антошка у меня добрый… хотя и справедливый…

Глава 4
«Национальность: „каждый пятый“»

Сын Мироновны Антошка работал участковым, но только не на их, а на другом участке. Специально попросился подальше от дома. Зарплата у мента издевательство одно, а жить ведь как-то надо. Про его хлебные места знали только считанные люди.

Двое коллег, собратьев по бизнесу, да начальник-хапуга. Плюс все соседи по дому…

Антон Кирпичников был единственным кормильцем своей матери. По документам. А на деле кормила-то его как раз она.

Мироновна целыми днями выстаивала у метро, продавая дешёвые сигареты. Рядом с ней, как правило, стояли ещё несколько старух. Три-четыре, не больше. Можно было подумать, что остальные старухи в районе торговать сигаретами гнушались. Да только это не так. Остальным не давал становиться в этот ряд Антошка.

— Римма, я тебе зла не желаю, — доверительно зашептала Мироновна. — Если решили комнату сдавать, сдавайте на здоровье, но жильца зарегистрируйте! Так всем спокойнее будет.

— Не волнуйтесь, Мироновна, мы же с вами не первый год знакомы. Это действительно наш племянник.

— Нет, если хочешь третью комнату сдавать — сдавай! Чего ей зря пустовать? А твой-то, небось, рад, что тёща переставилась?

— Ну что вы такое говорите?!

— А то и говорю, что все кругом только и ждут, когда площадь освободится. Народ — зверьё! Садисты! Войну на них надо! Сталина! А разврат кругом какой? В телевизоре ведь что? Одни жопы на экране! А завтра день пограничника! Даже концерта не дадут, сволочи!

— Мироновна, какие жопы? — прорезался Аркадий. — Тебе о душе надо думать!

— Смотри, подслушал, окаянный! Уйми своего борова, Римуль, а то орёт, будто его режут… без наркоза…

— Аркадия на работе сократили, — шепнула Римма.

— Ой, правда?! — расцвела Мироновна, — Ну, тогда всё ясно! Ладно, пойду… Завтра рано вставать. Причёску перед выходом надо будет сделать… Завтра ведь день пограничника! — повторила она с явным вожделением.

Ни один бывший советский праздник не был ею забыт, и по таким случаям она всегда делала укладку, густо пудрилась и румянилась. Помаду выбирала чем поярче, вырви-глаз.

Выпроводив соседку, Риммочка вернулась в кухню и накинулась на Аркадия.

— Ты зачем при этой дуре теракты вспоминал? Она ведь шуток не понимает.

— Больше не буду, — бормотнул Аркадий.

— Что это за женщина? — спросил Шамиль. — Нервная какая-то…

— Она такая и была, с самого рождения, а совдеп её… усугубил… Ей «Со святыми упокой» надо репетировать, а она всё никак не «упокоится»… Всё по чужим норам шастает, вынюхивает, дрянь…

Дав такое нехитрое разъяснение, Аркадий шарахнул ладонью по столу. Сразу же вслед за этим в прихожей раздался новый звонок.

Аркадий быстро поднял палец к потолку.

— О! Щас увидишь ейную крышу! Сыночек за ней тенью ходит! Паспортный контроль — это для отвода глаз, а на самом деле он охранник этой ведьмы! Тень нашего домашнего погранца! Парочка — супер! Муха не пролетит!

Антошка для такого случая был при форме.

— Проверка паспортного режима. Здесь у вас все граждане России, или как?

— Или как! Риммочка, дай ему все паспорта! Пускай любуется, не жалко!

С этими словами Аркадий метнулся к окну и резко выглянул. Лицом вверх. Мироновна в сверкающих при лунном свете бигуди реально смахивала на инопланетянку.

— Ой! Караул! За нами наблюдают! Пришельцы из других миров! От добрых сил в последнее время спасу нет! Прошу немедленно запротоколировать!

Антошка отдал честь и удалился.

Аркадий снова заорал, зачем-то снова высунувшись в окно:

— Вы только гляньте на нашего блюстителя! Надо бы сбегать к метро да проверить, чем они там с мамашей занимаются!

— О, Господи! — послышалось сверху.

Аркадий снова глянул вверх. Порядок! Голова в железном ореоле скрылась.

Риммочка, взяв у Антошки паспорта назад, сунула Шамилю его корочки.

Аркадий вдруг заволновался. Чисто по-родственному.

— Ты это… поосторожнее с документами! Надеюсь, паспорт ты им отдавать не собираешься? А то умыкнут и спасибо не скажут!

— Они сказали, что паспорт им без надобности… что всё и так понятно…

— Погорячи-и-ились… Внешность обманчива…

Он дрожащей рукой налил всем ещё.

— Кстати! Если ты прирождённый Авель, то какой же ты басурманин? Скорее уж еврей…

Давай сходим к нашему раввину, послушаем, что скажет…

Риммочка замахала руками, но супруг не унимался.

— Внешность бывает о-о-очень обманчива! У нас в институте сибиряк был, блондинистый детина, метр девяносто, по фамилии «Зуй»… Как-то раз иду по коридору, а на меня уборщица летит и орёт: «Наш Зуй вьетнамец! Наш Зуй вьетнамец!»

В то время с дружеским визитом страну посещал лидер компартии Вьетнама Нгуен Зуй Чинь. Так бедняга Зуй от счастья чуть не помешался, родню вьетнамскую начал искать… Через Красный Крест! Не терпелось продвинуться по партийной линии… Ладно, для начала будем говорить, что твоя национальность — «каждый пятый»! До официального распоряжения правительства!

Аркадий упивался собственным остроумием.

Однако воспоминания об отрезанных пальцах и неизвестно за каким рожном дёргающихся головах не давали окончательно расслабиться.

— Шамильчик, слушай… Я тут подумал… Судя по твоим благородным речам, и сам ты очень благородный, и никакой не преступник, да? Или я… ошибаюсь?

Шамиля насупился.

— Прости, спьяну ляпнул не то… Я только хотел сказать, что начальнички твои, судя по всему, прекрасные люди и вовсе даже никакие не бандюки!

Шамиль продолжал бычиться.

— Мы тут с Риммочкой в твоё отсутствие невесть что подумали, про пальцы начитавшись… Бывает, что люди с виду приличные, а на деле чужими членами торгуют, трупы истязают, головы отвинчивают… чтоб не дёргались…

— Ладно, понял… Всё расскажу… другого выхода нет…

— Выход, сынок, всегда есть…

— А хотите, я вас прямо завтра на свою фирму отведу?

— А что? И отведи! Мне ведь на старости лет уже бояться нечего… Даже если… и все пальцы отчекрыжат… нафиг…

Глава 5
«Антиполиклиника»

С утра дядя с племянником бодро шагали по большому пустырю на окраине Москвы к зданию заброшенной школы.

По словам Шамиля, этот трёхэтажный сарай был куплен иностранцами для конспирации.

В нём размещались подготовительные курсы. Работа за границей требовала специальной психподготовки.

Пройдя через вестибюль, Шамиль с Аркадием очутились в полутёмном коридоре, перед дверью с надписью «Инструкторская».

— Постойте здесь, я доложу о вас первому заму.

— Слушаюсь, — чревовещал Аркадий.

Слушаться он и не думал. Коридорчик выглядел очень заманчиво. На одной из ободранных дверей виднелись аккуратные таблички: «Обмороки», «Боли в желудке», «Икота», «Травмы черепа», «Кожные нарывы», «Свербёж», «Судороги» и т. п.

Открыв эту дверь, Аркадий увидел девушку в белом халате и бахилах.

— Добрый день, вы лечите от гастрита?

— Извините, но мы тут никого ни от чего не лечим! — отчётливо произнесла она, будто боялась, что он с первого раза её не поймет.

— Как же так? У вас ведь там написано…

— Написано правильно, но при чём тут лечение? Вы что, совсем новенький?

— Не слушайте её! Она сама здесь новенькая! Что вам угодно?

Где-то он уже слышал этот пропитый, но не утративший женской приятности голос.

Довольно-таки сексуальный.

Аркадий оглянулся и увидел позади себя матёрую усатую докторицу, дожёвывающую пряник. Очаровательная грудь была густо усыпана крошками. На ней спокойно умещался бэйджик «ZINULIA».

При виде крутого медначальства Аркадий воодушевился, но, как оказалось, напрасно.

— У вас там написано «боли в желудке», а у меня как раз… на нервной почве… от переживаний всяческих…

— К сожалению, мы здесь не лечим от болезней… Мы ими на-де-ля-ем! Усугубляем состояние организма новыми, недавно

разработанными средствами. Кстати, не бесплатно… Впрочем, за отличные успехи в учёбе и труде мы можем вас всем этим… нагр-р-радить! Ха-ха-ха!

Услышав этот могильный хохот, Аркадий опрометью бросился бежать и, надо сказать, вовремя. Дверь «Инструкторской» отворилась, и из неё, вслед за гурьбой незнакомых людей, вышел улыбающийся Шамиль.

— Замдиректора свободен. Вы ведь помните, о чём мы с вами договаривались?

— Обещаю отнестись серьёзно…

— Может быть, как раз сегодня вам представится реальная возможность заработать.

Умоляю, не упустите шанс…

Замдиректора оказался человеком спортивного вида, прямым, открытым и даже откровенно лысым. Будучи ярким блондином от природы (выдавали брови и слегка отросшая щетина), одет он был почему-то по-узбекски: стёганый халат не первой свежести, тюбетейка и чёрные туфли. Носков не наблюдалось вовсе. Скорее всего, он так наряжался для встреч с новичками. То была проверка, тест на устойчивость психики. Другое объяснение не напрашивалось.

— Ну, вы тут беседуйте, а я пойду, поработаю! — сказал Шамиль, берясь за ручку двери.

— Только не переусердствуйте! Пожалейте людей! Далеко не все ещё готовы к нашим опытам Аркадию захорошело, даже щека задёргалась.

— И надо мной будут опыты делать? Прямо здесь, в этой… неопрятной школе?!

Анализы будут брать?!

Лысый блондин зашёлся нехорошим смехом, обнажив неплохие зубы.

— Ни в коем случае! Во-первых, я дико спешу, приглашён в узбекский ресторан, а во-вторых, вы для нас — чужак по своей сути, так что, до анализов дело вряд ли дойдёт… Вы ведь, всего-навсего, дальний родственник нашего Шамиля. Он попросил подыскать вам работу, я согласился вас принять, вот и всё — ничего особенного! У вас ведь даже анаграмма несовершенная…

— Как «несовершенная»?! Я — Ноев!

— Ноев и Ной — не одно и то же, дорогуша. По вашей логике, Царь и Царёв — одного поля ягоды, хотя история преподносит нам такие перлы, как «царёв холоп», «царёвы люди»… Кстати, у вашего племянника, в отличие от вас, с анаграммой всё в порядке. «Шамиль Беляев» — очень удачное

словосочетание. В нём достаточно букв для «Авель»…

Лысый зам встал и заметался туда-сюда.

«Маятником ходит… Обычный сектантский приём», — отметил про себя Аркадий.

— Хорошо, предположим, что вы — Ноев сын… Но ведь у Ноя, как известно, было трое сыновей: Сим, Хам и Иафет. Так который из них вы?

В этот момент дверь отворилась, и в кабинет заглянуло мужское лицо с густыми усами, двумя «мушками» на щеке и… Батюшки! Усатая морда была ещё и в кокошнике.

Как у Царевны-лебедь с картины Врубеля! Аркадий схватился за сердце.

Лысый жестом скомандовал странному видению сгинуть, и оно сгинуло — Кто это был?!

— О ком вы?

— Ну, этот… п-пидор в кокошнике…

Лысый брезгливо поморщился, и Аркадию стало стыдно.

— Извиняюсь, я, кажется, преувеличил… С детства плохо воспитан… Хам!

— Вот вы и ответили на мой вопрос…

— Но, всё-таки… кто сейчас заглядывал?

— Ладно, приоткрою завесу тайны… Это наше высшее звено, наши Светлые Начала, люди будущего. Они страдают яйцеголовостью. У них не-по-мер-но вытянуты черепа, и кокошники служат прикрытием их гениальности. Правда, в связи с этим, на них нападает мания величия. Временами она их даже сильно мучает. Да! Быть слишком умным на фоне других тяжело, просто невыносимо! Тут непременно нужен отвлекающий фактор, и мы предлагаем им посещать нашу антиполиклинику. Вы ведь уже были там?

— Был, но… Как вы догадались?

— Для меня не существует тайн. Предупреждаю: скрывать от меня что-либо совершенно бесполезно!

Аркадий втянул голову в плечи, а лысый снова забегал по кабинету.

— Так вот, нашим адептам, нашим Светлым Началам, необходимо отвлекаться от вредных мыслей, а телесные страдания, как известно, лучшее лекарство от душевных мук. В нашей клинике мы наделяем их разного рода болевыми ощущениями… в порядке профилактики… за счёт фирмы, естественно… Но для всех остальных услуги платные! Не хотите ли воспользоваться?

— Нет-нет, что вы! Мне, наоборот, очень приятно быть умным человеком… Лично меня это не мучает!

— Кстати, о хамстве. Простите и вы, что я до сих пор не представился. Евгений Петрович Давилов, первый зам по древней психологии… Так вот, раз уж речь зашла о хамах, дабы покончить с этой неприятной темой, давайте быстренько просмотрим учебный фильм, а потом — не смею вас задерживать…

Бегло взглянув на часы, Давилов раскрыл дорогой ноутбук самой последней марки.

На экране замелькали допотопные персонажи — люди, родившиеся до Всемирного Потопа.

— Перед вами три Ноевых сына… Известно, что ЛИШЬ ОДИН из них был приличный…

Это — Сим, пресловутый пай-мальчик… Именно он, согласно Писанию, прикрывает нагого отца во время сна. А что в это время делает Хам? Он смеётся! Глумится над родным отцом! Зачем, спрашивается? Чтобы накликать беду на весь свой род?!

На экране мультяшный Хам забился в радостной истерике. Потом хлопнулся наземь и задрыгал ножками.

— Не удивительно, что в Библии написано: «И с тех пор дети Хамовы попали в вечное услужение к детям Сима»…

— Думаю, что я — где-то посередине, — робко выдавил Аркадий. — Скорей всего, моим предком был Иафет.

— Такое вряд ли возможно!

— Это почему же?

— Иафет держал постыдный нейтралитет. Не смеялся сам, но и не пристыдил насмешника… Бедняга Иафет! Он и не догадывался о последствиях! Его семя почти всё вымерло, оказавшись нежизнеспособным. Быть посередине — значит быть никем!

Глава 6
«Сортировщик Авелей»

Ещё учась в институте, Аркадий неоднократно наблюдал подтверждение услышанному, но тогда на этот счёт никакая стройная теория в голову не приходила.

Из толпы его весёлых однокашников заметно выделялись два Симовых отпрыска: гитарист ансамбля Коля Симко и шахматист Олег Симович. Они всегда ходили в окружении красивых баб, которые сбивались с ног, лишь бы им угодить: пышками кормили, конспекты переписывали, таскали по театрам и по барам.

Аркадия эти крысы дружно игнорировали. Они его в упор не замечали, как будто он пустое место. Хамки однозначно…

Давилову такие мелкие разборки были вряд ли интересны. Он мыслил более масшабно: его тревожили библейские трагедии. Он ведь зам по древней психологии.

Аркадий на всякий случай внимательно слушал, а Давилов этим пользовался.

— Авель и Каин — два брата, две половинки наидревнейшего общества. Я бы сказал, миниобщества… Одна из половинок оказалась гнилой, но тогда, по крайней мере, существовало равновесие, фифти-фифти…

— А что было потом? — спросил Аркадий чисто из вежливости.

— Потом была эпоха Ноя. Ноевых детей уже не двое, а трое, но опять-таки, ЛИШЬ ОДИН из них вызывает уважение… Подводим итог: между Авелем и Симом исторический промежуток небольшой, но за это время сознательная половина населения Земли сморщилась, превратившись в сознательную треть… Человечество деградирует, и процесс этот, боюсь, уже необратим…

— А к-к-каковы сейчас наши дела?

— Справедливости ради надо отметить, что сегодняшние наши дела не так уж и плохи…

Сегодня потомки Авеля и Сима составляют приблизительно пятую часть населения планеты… В среднем, конечно. Местами, например, в жестоких мегаполисах, всего лишь одну десятую. Эта статистика много раз перепроверена.

— Вы считаете, что одна пятая — это хорошо?

— Конечно! Пессимисты настаивают на полутора процентах…

— И вы всё это затеяли, чтобы утереть нос каким-то

пессимистам?!

— Нет, конечно же… Мы набираем Авелей в чисто практических, утилитарных целях.

Для безопасного внедрения в жизнь новых научных разработок. Ведь человеческий фактор ещё никто не отменял!

— Ну, и как же вы их набираете?

— Наш метод гениально прост! До смешного прост! И отбор, и статистический учёт ведутся…

— На пальцах?!

— Вы поразительно догадливы! К тому же, в нашей стране полигон для таких исследований просто идеальный.

— Полигон?

— А где же ещё в мире, в каком метро, найдётся такое жуткое количество совершенно одинаковых убойных дверей? На Западе процент Авелей вычислять очень трудно, ведь у них почти все двери замедляются пружинами…

Тут взгляд Аркадия упал на плакат, висевший за спиной лысого начальника. На нём рабочий поднимал булыжник — всем известная скульптура Ивана Шадра.

— Ну, а булыжник тут при чём?

— Да всё при том же…

Давилов поморщился, будто рабочий был его личным врагом.

— Ответьте мне, пожалуйста, на один вопрос… элементарный… Когда один человек берёт в руки камень и бросает им в другого, как мы это называем?

— Криминал…

— Правильно. Однако чтобы камень поднять и бросить, нужна большая затрата энергии… А увесистая дверь метро САМА идёт в руку… Сама ведь?

— Сама-а-аууууу… — неожиданно тихо завыл Аркадий, а про себя отметил: «Готово дело! Гипноз подействовал! Мычание попёрло! Так я и знал!» Он уже ждал трагического продолжения сеанса гипноза, который, в итоге, должен был лишить его квартиры, а может быть, и жизни. Хоть бы Риммочке успеть позвонить!

Но Давилов, как всегда, проявил оригинальность:

— Приятно?

— Что приятно?

— Ну, когда без усилий и безнаказанно можно гадить, гадить и гадить?

Аркадий молчал.

— Хорошо! Отвечу за вас: «Да!»

— Да-а-а-ууу… — промямлил дядя своего племянника, уже гораздо тише и умиротворённее.

— Искушение? Конечно! Ещё какое искушение! Громадное! И, заметьте, ПО ЗАКОНУ тут никакого криминала нет, так что большинство из нас уже давно не могут отказать себе в этом удовольствии… Для большинства людей это что-то вроде наркотика, вроде бесплатной дозы…

— Так-таки для большинства?

— Да! Наше метро немолодое, ему уже седьмой десяток лет…

Аркадий вдруг вспомнил, зачем пришёл.

— Простите, что перебиваю… Я полностью согласен с вашими теориями… но мне хотелось бы знать, какие меня ждут… работы…

— Честно говоря, никаких особенных работ вам тут не предложат, а если и предложат, то придётся вкалывать за каких-нибудь жалких… пятьсот долларов в месяц…

— Согласен!

— Погодите! Я не сказал главного. Эта фирма, как вы уже поняли, не моя. Я всего лишь первый зам нашего спонсора… Спонсор мой друг, и я помогаю ему на собеседованиях… Бесплатно. Ибо проблем с деньгами лично я ни разу в жизни не испытывал. Бог миловал.

С этими словами Давилов извлёк из ящика стола солидную пачку денег. Излишне говорить, что Аркадий напрягся.

— На моей фирме вы получите гора-а-аздо больше… Однако придётся мириться… с некоторыми условиями…

Аркадия условия не сильно волновали.

— Сколько?!

— На первых порах — всего лишь две тысячи в месяц… Негусто, но при усердии…

— Две тыщи… б-б-баксов?!

— Да, но сначала вам нужно себя проявить…

— Согласен!

— Пожалуй, я испытаю вас прямо здесь, на этих курсах… Поработайте-ка… сортировщиком!

— Сортировщиком?!

— Сортировщиком Авелей. Дело в том, что нашему спонсору их по-прежнему не хватает… Для будущей работы, масштабы коей просто потрясают!

— Хм! У спонсора недобор ангелочков?

— Как и везде… Это будет вам вместо тренинга. А потом — добро пожаловать на мою фирму! Здесь вам всё равно делать нечего, вы ведь не прирождённый Авель!

Впрочем, так же, как и я…

— Вы?! Ведь у вас анаграмма хорошая, — решил напоследок позаискивать Аркадий. В словах «Евгений Давилов» достаточно

букв для «Avel»…

— Чш-ш-ш! Это псевдоним… — Давилов снова вскочил и выглянул за дверь. — Об этом здешним — ни гу-гу! Для слушателей данных психкурсов это вредная информация.

Они буквально в штыки принимают каждого чужака. Лично мне это неприятно… Я усматриваю в этом оскорбление, дискриминацию личности, если хотите!

— Я тоже!

— Тогда — успехов! Завтра же и приступайте!

Назавтра Аркадий прямо-таки с раннего утра стоял в вестибюле метро и вёл свою статистику. Всех выходящих пассажиров он отмечал кивками. Стремался — не то слово! Тут имелась большая вероятность быть поставленным на учёт. Не ровён час, его заприметят, вызовут чумовоз и — под белы руки! Но любопытство, всё же, брало верх…

Заметив очередного Авеля, Аркадий загибал палец. На каждой станции на сто кивков выходило по 10–12 пальцев, не больше. Дожили!

Правда, имели место ещё и «перспективные», хотя и не вполне обернувшиеся граждане, но, всё же, дёрнувшие головой вправо-назад. Таких было двойка-тройка на сотню. Им уже не безразлично, что там, сзади, хотя полностью обернуться ещё лень.

Пророчества Шамиля и Давилова сбывались с точностью до одного процента. Особенно насчёт жестоких мегаполисов. Потрясал не столько низкий процент, сколько его ПОСТОЯНСТВО. Какую станцию ни возьми — результат тот же. Хоть пари держи на деньги!

Теперь уже все книксены и реверансы всех француженок вместе взятых не казались Аркадию дикими. Парижанка в брильянтах, сыгравшая перед ним роль швейцара, была вовсе никакая не юродивая. Раз по-идиотски выгнулась-прогнулась, значит, так было надо, так ей было Кем-то велено! Она лишь исполняла указание высших сил.

Аркадий более не сомневался, что то был знак звыше.

Глава 7
«Улёт!»

Международный аэропорт «Шереметьево-2» давно уже не тот красавчик, каким его видели сразу после открытия, в начале 1980-х.

Шамиль летел в командировку напару с Давиловым. Пришлось купить две турпутёвки, так выходило дешевле. Они мирно беседовали в зале вылета, как вдруг… случилось неожиданное.

Давилов по обыкновнию нервно глянул на часы, сорвался с места и побежал в сторону эскалатора, ведущего вниз, в зал прилёта. И это перед самой регистрацией!

— Мне надо срочно переговорить со спонсором! Ждите меня здесь!

— Может, вещи оставите?! — крикнул ему вдогонку Шамиль.

— Да нет, они не тяжёлые!

Объявили парижский рейс, но Давилов не появлялся. Шамиль не знал, что и думать.

Наконец, в его кармане зазвонил мобильник.

— Алло?

— Шамильчик, извините, обстоятельства меняются, мне надо срочно вернуться в город. По работе…

— А как же… наша командировка?

— Ничего страшного, у нас этих командировок будет уйма. Вы, главное, не волнуйтесь. Вояж состоится! По крайней мере, для вас. Летите с группой, посещайте незнакомые места, наслаждайтесь жизнью. Советую невесту подыскать. Вы ведь ещё не были в Париже?

— Нет…

— Вот и отлично! Летите-летите, а я вам потом всё объясню. Считайте, что это отпуск, оплаченный вам фирмой!

Если бы Шамиль не послушался и съехал вниз тем же эскалатором, что и Давилов, он бы наблюдал картину весьма любопытную.

Его начальник беседовал с нищим стариком азиатского вида. Ну, чисто пенсионер из коммуналки!

Давилов тряс нищему руку, быстро и оживлённо что-то говорил, то и дело поглядывая в сторону эскалатора. Текст беседы был ещё любопытнее.

— Уфф, нелегко с молодёжью! — сказал Давилов, театрально отряхивая руки и отдуваясь, как после тяжких трудов.

— Как вы считаете, он не сбежит?

— Да, вроде, не должен…

— Тогда — по домам?

— Как скажете, шеф…

Взяв старика под руку, Давилов повёл его на рейсовый автобус до Москвы. При этом он не забывал оглядываться…

А в это время в некрасивом здании школы, у дверей «Инструкторской», стоял Аркадий и ничего не понимал. Часы показывали без двадцати двадцать, а в здании почему-то было пусто…

Поднявшись на второй этаж, он услышал странное мычание. Все двери коридора были распахнуты настежь. Кроме одной, запертой на ключ. Оттуда-то и неслось мычание!

Аркадий дёрнул дверь, но та не поддалась. Наконец, он отважился заглянуть в замочную скважину.

Класс был полон мужиков в кокошниках. Они сидели за партами, раскачиваясь и мыча.

Аркадия чуть не стошнило.

— Я же говорил, что тут мычать заставят, а Шамиль всё «нет» да «нет»! Эх, Шамиль!

Наивная душа!

Он ринулся по ступенькам вниз.

Выбежав из школы, Аркадий припустил было к метро, но его окликнул знакомый голос.

— Куда же вы, мой друг? Не торопитесь!

Давилов пыхтел, как паровоз. Ему тоже пришлось от кого-то смываться?

— Прошу меня извинить… Всех успел оповестить, кроме вас… Что у вас с телефоном?

Аркадий достал мобильник, проверил.

— Да, вроде, номально работает…

— Два часа не мог дозвониться… В общем, у нас на фирме кардинальные перестановки… Из-за границы пришёл сигнал сворачиваться. Хотели ремонт начать, да, видно, не судьба… Жаль покидать такое приятное здание… Оно уютное, не правда ли?

Аркадия как током шибануло.

— Постойте! Если я правильно понял… здесь уже больше ничего не будет происходить? А как же работа, масштабы которой потрясают?

— У спонсора деньги кончились, а я не меценат, свои тратить не буду. Могу лишь иногда помочь теоретическими выкладками. В общем, все свободны. Кстати, получите неустойку…

Давилов вынул из сумки толстую пачку зелени и отстегнул Аркадию пять сотен.

Аркадий пересчитал купюры.

— Погодите! А как же те… там, наверху?..

— О ком вы?

— Ну, эти… мычащие… Царевны-лебеди нестандартной ориентации…

— А! Понял! О них вам не нужно беспокоиться. Это команда Чунькиной. Она скоро приедет и всех их заберёт… К себе…

— А кто у нас Чунькина?

— Как же! Зинаида Михайловна! Я-то думал, вы знакомы… С ней редко кто не знаком… Вы ведь посещали нашу клинику!

— Зинуля?!

— Она самая. Айда к метро, по дороге всё расскажу…

Аркадий подчинился. По пути его пронзила страшная догадка.

— Погодите-погодите… Мне жена сказала, что наш племянник вылетел в командировку… вместе с вами…

— Увы, мне пришлось остаться… В самый последний момент, совершенно неожиданно, возникли срочные дела… В общем, Шамиль полетел один.

— Совсем один?!

— Да, а что тут удивительного? Он парень взрослый… Обычный рабочий момент.

— Хм… рабочий… Вы же только что сказали, что фирма спонсора накрылась…

— Ладно, так и быть, признаюсь… открою вам ещё один секрет, а то вы вконец изведётесь. Дело в том, что у нашего спонсора когда-то был любимый дедушка… якут по национальности… Он был ему вместо отца… Так вот, в честь дедушки-якута ваш Шамиль и получил эту поездку… в качестве прощальной премии… Уж больно он похож на дедушку нашего спонсора!

Глава 8
«Г.Х. Андерсен отдыхает»

Аркадий не верил ни единому слову, но возражать боялся, учитывая пустырь и прочие тёмные обстоятельства.

— Пожалуй, поверю… Если не шутите…

— А ничего другого вам не остаётся! Вот телефон и адрес моей фирмы, звоните, не стесняйтесь… У меня там всё серьёзно, не то, что в этой… школе…

Давилов хищно подмигнул. Затем, осклабившись и зачем-то оглянувшись по сторонам, шёпотом продолжил:

— Там у меня про двери не болтают… Все заняты исключительно полезным делом…

И деньги… Деньги ре-аль-ные получают, а не эти шиши, которые вы только что определили в свой карман…

— А что, если спонсор вдруг вернётся? Я ведь эту… з-з-зарплату… ещё не отработал!

Аркадий достал из кармана полученные от Давилова деньги.

— Спрячьте! Не ваша забота. Он не вернётся… Знаете, почему он заставлял всех нас юродствовать в этой дыре?

— Почему?

Давилов покрутил пальцем у виска.

— По причине сильного нервного расстройства. У него недавно стресс приключился: жена-старушка на тот свет отправилась… Пала смертью храбрых! Один кретин ей со всей дури дверью в лоб зарядил в метро, а она была подслеповата, вовремя не увернулась, недооценила, так сказать, степень угрозы… В общем, скончалась прямо на месте, не приходя в сознание…

— Какая трагедия! Я и не знал…

— Старикашка с горя вешаться было собрался, но я его отговорил, убедил лечь в больницу, подумать о смысле жизни, что да как…

— И он послушался?

— А что ему ещё оставалось делать? Ну, я его, конечно же, там навещал, утешал всячески… и…

— И?!..

— И, в конце концов, уговорил продать дачу под Москвой. На сегодня денежки немалые!

— Зачем же вы подбивали его на такой опрометчивый поступок?!

— Почему опрометчивый? Раз он всё равно один остался… и

возраст солидный… Пускай хорошим людям денежки пойдут!

Аркадия залихорадило.

— Ну, и как же он… отреагировал?

— Нормально! Кстати, в итоге додумался до такого, до чего даже я не додумался бы!

У некоторых в больнице фантазия разыгрывается — сказочник Андерсен отдыхает!

Представляете, он вдруг решил подсчитать количество Авелей на душу населения!

Как вам этот бред? Захотел собрать их всех в одну кучу и перезнакомить! А чтобы они, ну, не сразу разбежались из этой вонючей школы, он им стипендию учредил…

Клянусь, я ничего не знал! Он и школу-то сам арендовал, без моей подсказки…

— А дальше что?

— А дальше вы и сами знаете. В этой школе он полоскал Авелям мозги, пока деньги не кончились…

Аркадий ощущал внутри себя мозговой вакуум, но беседу надо было продолжать. Во что бы то ни стало. Во избежание физического истребления собственной персоны.

Страх за Шамиля отошёл на задний план. Бандит-Давилов не давал расслабиться, а значит, надо было корчить любопытного…

— Выходит, он зачем-то покупал у них их же собственное время?

— Выходит, так! Представляете степень маразма? Дескать, чтобы они, наконец, узнали, сколько их живёт на белом свете! «Какой процент»!

— И они… брали за это деньги?

— Ещё как брали! Ну, посудите сами: кто же это, в наше безум-но трудное время станет добровольно, да ещё и за бесплатно, часами выслушивать всякую ахинею незнамо где?! Пусть даже сладкие дифирамбы, пусть даже в свой собственный адрес!

— Да уж! Такое придёт в голову разве что в больнице!

— Воистину… — вдруг непонятно почему загрустил Давилов. Снова кривлялся, собака…

— Но, как я понял, в петлю ваш дедушка уже лезет?

— Случилось чудо: старикашка вжился в роль, получил от жизни новый импульс и пока что с ней не прощается. Передумал. А я ему уже и работёнку подыскал… Кстати, и вам тоже!

Аркадия перекосило, страх заполнил лёгкие. Он почти не дышал.

Домчались до метро. Давилов снова глянул на часы и оглянулся. Куда ему спешить и кого бояться?.

— Ну, мне пора! Вы поезжайте, а я пешочком — люблю

вечерний воздух… Так я жду звонка? Передумывать не советую!

— Мне надо посоветоваться с Риммочкой! — еле выдавил Аркадий.

Это было совершенно лишнее. Бывший первый зам его уже не слышал…

Расставшись с Давиловым, Аркадий снова, уже в который раз, пошёл в метро.

На двери-стекляшке, на современной, а ни на какой не на библейской скрижали, знакомая надпись мутировала, превратившись в «Не убий!»

Правда, ненадолго. Через короткий миг она мутировала снова, превратившись в предыдущую, более привычную для глаза. В современную заповедь: «Придерживайте дверь». В Одиннадцатую Заповедь. Отнюдь не Моисееву…

Эх, сколько ж дней он простоял тут пугалом, считая Авелей по головам! Как всё красиво начиналось, и как мерзко закончилось…

Скорей всего, его затягивали в лапы аферисты-наркодилеры… И те пять сотен, как пить, дать фальшивые!

В ожидании поезда Аркадий уставился на рекламные щиты, что за рельсами: «Летайте самолётами Аэрофлота».

Как банально! Он мысленно добавил пару заголовков в тему: «Ужинайте забегаловками», «Войте волками», «Ешьте поедом»…

В плохое верить, всё же, не хотелось. Пускай Давилов, сколько хочет, унижает старичка, но его идея достойная. Если дальше её развивать, то парламенты и правительства всех стран можно формировать по такому же простому принципу: не прошёл экзамен — вон из кандидатов. Плохой закон всё равно что камень, брошенный в толпу. Само собой, тестируемые кандидаты не должны подозревать проверку, а то резко прикинутся добренькими, станут делать вид, что им не всё равно, кто идёт сзади них, и как будет выживать страна по принятии их дебильных законов…

Прикинутся добренькими, как влюблённые…

Влюлённые особая публика. Всех всегда водят за нос, ни за что не покажут своё истинное лицо до свадьбы. Их тестировать надо бы отдельно друг от друга, иначе смажут всю статистику…

Аркадий глянул напротив. Прыщеватый хахаль, усадив девушку на крайнее сидение, отгонял от неё бомжеватого типа, норовящего задом прислониться к поручню и тем самым сесть девице на плечо. А может, и тихо пукнуть, кто его знает. Поди потом докажи, что он…

— Мужчина, поручень от слова «руки», ясно?

— И что?

— И нечего садиться человеку на плечо, ясно?

— Не застрелю, не боись…

Бомжеватый был прав: смертельного исхода ждать не стоило. Зад не пушка. И не убойная дверь. Бомжеватый просто невоспитан, а вот убийца ли он, проверять надо отнюдь не в вагоне, отнюдь…

Тот вечер был наполнен всяческими знаками.

Подойдя к дому, Аркадий высмотрел на лавке у подъезда ещё четверых бомжеватых.

Вид у них был спокойный, даже мечтательный. Из магнитофона лилась песня голосом Высоцкого: «Если друг оказался вдруг…» И Высоцкий туда же, с проверками.

С появлением метро процесс поверки на вшивость значительно удешевился, в горы ходить без надобности, просто не все об этом знают. Фигли тратиться на альпинисткие прибамбасы? Стеклянная дверь совершенно бесплатно покажет, кто он, этот самый друг, который оказался вдруг…

Переступив порог квартиры, Аркадий с удивлением узнал, что племянничек уже отзвонился из Парижа. Он бродил там один, совершенно без начальства.

Риммочка радовалась, а в груди Аркадия клокотало от предчувствий… Неужели же племянник согласился стать наркокурьером? А, может статься, он ничего и не подозревал? Может, тайно подсунули? Если пока на свободе, значит, не подсунули…

Значит, всучат на обратном пути…

Аркадий принял единственно правильное решение: напиться и заснуть. В ту же ночь ему приснились обе немолодые феи. Они сочувственно улыбались. Одна из них подмигнула и потрепала его по небритой щеке изящной розовой перчаточкой.

Перчаточка разила духами…

Это ещё что за фокусы?!

Глава 9
«Бег с носилками»

Едва оправившись от потрясения, связанного с расформированием психкурсов, Аркадий получил новый сюрприз, благодаря которому все предыдущие напасти показались ему приключениями Микки Мауса.

Кто бы мог подумать, что после всей этой дверной суеты, после бесконечных шатаний по подземке, его жизни будет угрожать реальная опасность?

Аркадий никак не ожидал, что за ним начнётся охота. Буквально через несколько месяцев…

Шамиль давно уже с ними не жил. Сразу после Парижа он собрал вещи и уехал к себе домой, на периферию. Аркадий ни о чём его не расспрашивал. Не посадили — и то хлеб!

На заре перестройки можно было ни того, ни с сего, безо всякого предупреждения, увидеть фото полусгнившего трупа на экране телевизора… В фас и в профиль. А под этой картинкой — милицейские телефоны в три ряда. Голос за кадром вещал: «Кто узнал в этом человеке своего родственника или знакомого, сообщайте».

В те времена такой красочной и увлекательной рекламы, как сейчас — чисто сериалы! — ещё и в проекте не было, да и рекламировать, в общем-то, было нечего. Страна только-только переходила на новые рельсы. Телевизионщики резвились, как умели, не давая соскучиться всем остальным.

Раньше, помнится, Аркадий так активно телевизор не смотрел. Зато покойная старушка-тёща круглые сутки торчала у телевизора.

Аркадий в душе изумлялся такому долготерпению.

Анна Семёновна, земля ей пухом, знала наизусть все сериалы, ибо вечером просто смотрела, а утром усердно закрепляла материал. А что тут удивительного? Старушка!

Гораздо больше удивляли Аркадия рекламодатели. Те почему-то искренне надеялись, что тёща после каждой серии сорвётся с диванчика и помчится покупать прокладки с крылышками, пиво «Клинское» и станок для бритья конечностей. Надо бы знать, что в этом возрасте конечности уже не бреют, пиво пьют крайне редко, а на прокладках сильно экономят.

Короче, раньше кроме тёщеньки в их доме телевизор почти никто не смотрел. Да вот теперь пришлось…

Как тогда, так и теперь, Аркадий страшно боялся узреть лицо трупа на экране, поэтому рискованных каналов не посещал. Но судьба достанет человека в любом случае, где бы он ни был и как бы глубоко ни зарылся.

Аркадий никак не ожидал, что на этот раз она вытянет руку прямо с экрана, схватит за шиворот и — ну, трепать его! Дело было под Рождество…

Поздно вечером Аркадий, как всегда, смотрел телевизор. Канал был развлекательный.

Уже наступал момент забытья с последующим лунатическим переходом в постель, как вдруг на экране появилось такое, от чего Аркадий вздрогнул и выпрямился в кресле.

Сон как рукой сняло.

В машину «скорой помощи» укладывали носилки, а на них… О, ужас! На носилках лежал яйцеголовый усатый мутант с «мушками» на щеке!

В этот раз кокошник отсутствовал, а голова… Голова почему-то была нормальных размеров. Но, правда, вся перебинтована.

Аркадию сделалось дурно. А тут ещё какой-то детина нарисовался рядом с этими носилками…

Детина бежал за медбратьями и что есть мочи орал: «Не волнуйтесь, я всё оплачу!

Он шлёпнулся под моим окном, стало быть мне его и выхаживать! Мне его Бог во спасение послал, отвёл от страшного греха… От смертного греха отвёл!»

Потом замелькали другие кадры. В тех кадрах тоже кого-то несли на носилках. Лица лежащих были знакомы. Всех их Аркадий видел в захудалой школе.

Что там было дальше, трудно вспомнить. Аркадия как-будто оглушило. Он ещё долго сидел, тупо глядя перед собой. Не заметил даже, как подошла Риммочка. Она тронула его за плечо, он схватил её руку, прильнул и затрясся в рыданиях:

— Я знал, что всё кончится именно этим!

— Что кончится?

— Представляешь, Риммочка, Авелей мочат! И свидетелей убирают! Я ведь тоже свидетель… какой-никакой…

— Не смей так долго смотреть на экран! Психику нарушишь!

— Да что ты говоришь! Ты же не в курсе!

— Я, конечно же, не в курсе и считаю, что ты немедленно должен мне всё объяснить! — заорала она ещё громче, дабы привести несчастного супруга в чувство.

— Риммочка, если меня убьют, это будет дело рук Давилова… или… — … или Шамильчика, или моих, да?! Совсем сдурел!

— Не издевайся… Ты же видела — их понесли!

— Кого?!

— Скоро и меня вот так же точно понесут!

— Да говори ты толком!

— Там мужику полчерепа снесло… начисто… А он раньше в кокошнике ходил…

— Мужик — в кокошнике?!

— Яйцеголовый…

— Всё ясно — допился!

Риммочка не знала никого из Авелей, кроме Шамиля, а значит объяснять ей было бесполезно.

Эх, не взял он в своё время телефонов, а то сейчас бы обзвонил всех товарищей по несчастью! Глядишь — и вместе что-нибудь придумали бы. Не надо было от коллектива отбиваться. Теперь их всех перебьют по одиночке…

Ту ночь Аркадий провёл в кресле. Не сомкнул глаз до самого утра. Он даже забыл, что ночь — Рождественская.

В шесть ноль-ноль, лишь только вышли первые новости, он снова прилип к экрану.

В этот раз не показали ничего особенного. В смысле, события описывались грандиозные: несколько пожаров, дикие авиа- и автокатастрофы, обрушения домов, но знакомые лица уже не мелькали, и это радовало.

Может быть, он, всё-таки, ошибся? Зря переживал?

Полуденная сводка новостей показала, что не зря. На этот раз несчастье приключилось ещё с тремя яйцеголовыми. Их вели под руки, они практически ничего не соображали. Вокруг скопилось много народу, все чего-то советовали, суетились…

Вот у нас всегда так: защитить от бандитов некому, а как сочувствовать — так всем миром!

Этих двух эпизодов было достаточно, чтобы перейти на осадное положение. Аркадий надел наушники и воткнул их в телевизор, так что звуки трагедий слышались теперь только ему.

Риммочке было велено в квартиру никого не впускать, невзирая на лица. Если будут спрашивать по телефону, пусть отвечает, мол, в командировке. А если, всё-таки, кто-нибудь ненароком его засечёт, в окне силуэт заметит или пение в ванной услышит, то и на этот случай имелось объяснение: дескать, прячется от чёрных. А от кого ж ещё прятаться? Дескать, выехал как-то в центр, а его тут же чёрные подрезали, квартиру стали вымогать… Потому и прячется. «Подрезали, стукнули, вымогают…» Осталось добавить: «Очнулся — гипс!»

Осадное положение, к счастью, продлилось недолго — всего несколько часов. Помог всё тот же телевизор: сам напугал, сам и успокоил.

Продолжая следить за событиями в криминальном мире, судорожно выискивая на экране лица братьев по несчастью, Аркадий скоро с удивлением обнаружил, что лица стали повторяться. Когда знакомые рожи полезли на экран по четвёртому кругу, на него напала истерика. Он стал хохотать, будто его под ребрами щекочут.

На эти звуки живо примчалась Риммочка. В руке у неё была поварёшка. На всякий случай.

— Говорила — не просиживай у ящика, с ума сойдёшь!

— Свобода!!!

— Да не рви ты мне душу! В чём дело?!

Риммочку хохот супруга встревожил больше, чем все его рыдания и подвывания.

— Риммочка, ведь не может же быть, чтобы каждые полчаса — одни и те же трупы на экране! Одни и те же морды на носилках, вот уже битых четыре часа! Причём, каждый раз на разных носилках! Их выносят совершенно разные санитары, из разных домов! Понял! Наконец-то, дошло, старый я кретин! Твоя правда — нечего сутками в ящик пялиться! Кто редко смотрит, тот и не замечает!

— Чего не замечает, горе ты моё?

— А ты не понимаешь? Нашим доблестным журналюгам нужны горячие факты, вот они их и подстраивают… искусственно… А дураки-Авели, не иначе, как от крайнего безденежья… Ну да! Психкурсы-то разогнали! Короче, эти недоумки напросились к ним… в статисты! Не нашли ничего лучшего! Дешёвка! Ниже всякого дна! Ведь это же чистой воды спектакль! Как же я раньше-то не допёр?!

Не сказать, чтобы Риммочка сильно обрадовалась.

— Ну… и… дальше что?

— А дальше вот что… Мне сейчас надо срочно ехать в гости… Поздравить своё новое начальство… с Рождеством!

— Поезжай-поезжай, проветрись, а то действительно… ещё немного — и за тобой с носилками приедут!

— Свобода!!!

Глава 10
«Если хочешь быть здоров, отвлекайся!»

«Поздний Сталин — ранний Хрущёв».

Этот стиль царит на большей части проспекта Мира — примиряющего проспекта, соединившего старинный центр с окраиной, с хрущёбным раем.

Между группой старинных особняков и хрущёвками как раз и находится вышеупомянутый промежуточный стиль. Вычурность уже отсутствует, но потолки ещё не так нахально низки.

Выйдя из станции метро «Алексеевская», которая в старые добрые советские времена носила название «Щербаковская», Аркадий стал ходить вдоль домов, разыскивая нужный адрес.

Эх, почему он сразу же после распада курсов не позвонил лысому? Зачем было, не разобравшись, вешать на него всех собак? Если бы он больше верил людям, то не пришлось бы на телевизор пенять. Ящик был ни в чём не виноват.

Самое смешное, что логово экс-начальника находилось в двух шагах от того места, где жил Аркадий. До него, как и до фонтана «Дружба народов», что на ВДНХ, пешком дойти — раз плюнуть. Однако, на дворе трещал мороз, тут уже не до прогулок.

Пришлось снова вспомнить о существовании метро…

В подъезде воняло кошками и жареной рыбой. Последний запах доносился из квартир.

В углу под лестницей виднелась лужа. Чересчур большая, чтобы обвинять котов.

«Человечье!» — молча констатировал Аркадий, зачем-то водя носом. — «Неужто так и не отучатся гадить?»

Его задумчивость была нагло прервана летящим прямо на него крупным предметом.

Вернее, телом.

Некоторые не любят пользоваться лифтами. Одни боятся, другим лень подождать.

Чуть не сбившая его с ног торпеда обладала солидным женским бюстом и чисто мужицким нахрапом. Повеяло чем-то знакомым, в нос ударил запах приторных духов.

Неужели Чунькина?! Не может быть! Хотя…

Поднявшись дребезжащим лифтом на пятый этаж, Аркадий увидел несколько дверей. На одной из них был приколочен

почтовый ящик, обклеенный названиями газет из самых разных исторических эпох, начиная с «Правды» и кончая «Спидинфо».

Вокруг ящика на двери имелось несколько крошечных плакатиков, один из которых бросался в глаза раньше всех: «Если хочешь быть здоров — отвлекайся!».

Сверху была надпись во всю ширину двери: «Женщина, не будь дурой, занимайся физкультурой!»

Кроме того, там имелись заголовки поскромнее: «Ваш вес — забота наша!», «Решение наболевших вопросов», «Надоели соседи? Идите к нам!»

Даже не глянув на номер квартиры, которого, кстати, всё равно видно не было, Аркадий с уверенностью нажал звонок. Лично у него не было никаких сомнений насчёт того, кто живёт в данной квартире…

Бывший начальник открыл не сразу, даже, можно сказать, очень не сразу.

Аркадий уже собрался уходить, когда за дверью раздался топот. Потом послышался гул мужских голосов.

Людей за дверью было несколько. Щёлкнул замок, и перед ним предстала фигура запорожского казака времен завоевания крымских территорий.

В прихожей висел дурманящий запах борща. Этот запах каждому приятен, особенно морозным январским деньком.

Так куда же он, всё-таки, попал?

Бросив взгляд на вышитую крестиком рубашку и шёлковые шаровары неимоверной ширины, он уже хотел извиниться и отправиться на поиски правильной двери, но до боли знакомый голос остановил его.

— Куды ж вы, кумцю, пообидайтэ з намы, выпыйте трошкы, та й поговорымо!

Аркадию снова жутко захотелось смыться. Пока он раздумывал, бежать или не бежать, на него валом вывалились человек пять живописных хохлов. Они трясли хозяину квартиры руки, совали деньги — рубли вперемешку с долларами и украинскими гривнами. Потом дружно оккупировали лифт и понеслись вниз всей оравой, на лету обсуждая на своем малопонятном языке какие-то сверхважные дела. Их голоса были слышны даже тогда, когда старый лифт, громыхнув, остановился и выпустил всю эту компанию на волю. Да уж!

— Если вы намерены и дальше так всего бояться, вам лучше сразу свести счёты с жизнью. Чем так жить, лучше окочуриться. Сплошные нервы. Берите пример со своей очаровательной супруги! Стоическая женщина, сколько небывалой выдержки!

Редчайший экземпляр…

Бывший шеф провёл Аркадия в гостиную. Его красное лицо отдавало фиолетом. То ли от выпивки, то ли от немеряного количества чеснока, который он, судя по запаху, в последнее время активно употреблял.

Чесночно-горилочный выхлоп поначалу сильно мешал Аркадию сосредоточиться.

Интересно, когда это Давилов успел узнать про Римму?

Ах, да, Шамиль! Он забыл про племянника, который жил у них три месяца и, наверное, регулярно информировал начальника о событиях на кухне, в которых жена принимала активнейшее участие.

Прежде чем открыть рот, Аркадий острожно обвел взглядом всю гостиную, желая убедиться, что в данном интерьере было только двое ненормальных: он и лысый. Он не желал разговаривать при свидетелях.

— К чему весь этот маскарад? — наконец выдавил он.

— Аркаша, душенька, ну когда же вы, наконец, расслабитесь? Чем вам не нравятся мои гости? Кстати, вы еще других не видели. У меня тут за день такие особи проходят! Хочу сказать, что на своем веку я повидал немало неприятеля…

— А как соседи реагируют?

— А что соседи? Они мне не мешают, а я — им. Они ведь все мои пациенты. Вы ведь знаете, что я — доктор психологических наук и вообще большой универсал. У меня даже Чунькина лечится.

— Так это я её сейчас видел?!

— А то! Хоть и живёт она за пределами Москвы, но даже ей не лень сюда мотаться.

Она у меня спекурс проходит…

— Какой ещё спецкурс?

— Я разработал для неё курс трудотерапии. Только она об этом не знает. И вы пока не говорите, ладно? Нет, она, конечно, думает, она просто уверена, что лечит население именно она! Ей даже невдомёк, что во всём этом процессе она является самой, что ни на есть, главной пациенткой. Я её загрузил по самое «некуда», чтобы не предавалась лишним сексуальным размышлениям. Чтобы некогда было сводить счёты с противоположным полом. Я её… отвлекаю… Для её же блага… Для здоровья…

— Она к вам… клеилась?

— Фу, Аркадий, где вы воспитывались? Женщина не клеится, а заигрывает. Будьте джентльменом! Давайте выпьем, и всё сразу станет на свои места. Я давно уже убедился в силе хорошего

алкоголя. Алкоголь хорошего качества поднимает тонус, а плохие смеси, шмурдяки там всякие, наоборот, отбивают желание жить и трудиться.

Точно так же и с людьми: встретишь нормальных — сразу хочется жить, а среди нелюдей в голову лезут мысли о самоубийстве. Вас они ещё не посещали, нет ведь?

— Да, вроде, нет…

— Ну, и славненько! Благодарите Риммочку. На такой женщине и я бы с удовольствием женился.

— Вы не женаты?

— Нет. Раньше было недосуг, а сейчас уже поздно. Бог не послал мне моего человечка и, как видно, уже не пошлёт… Кстати! Чуть не забыл! Я ведь в отпуск собрался!

Глава 11
«Список потенциальных самоубийц»

С какого перепугу начальнику приспичило ехать в отпуск посреди зимы, Аркадий не спросил. Не до того ему было. Со своим бы отпуском разобраться, неприлично затянувшимся. Но он, всё-таки, решил пожурить хозяина дорогой выпивки, из личного опыта зная, чем кончаются затяжные попойки.

— Так и спиться недолго. И давно вы… принимаете?

— Всегда! Но, заметьте, никому ещё не удалось зарегистрировать меня в неприлично пьяном состоянии. Пить надо уметь. Жить тоже. Жизнь дается для того, чтобы научиться разбираться в ней. А научившись — можно преходить в другие… формы. Но время от времени сюда обязательно нужно возвращаться…Чтобы проверить, всё ли в порядке!

«Ну, вот, опять за своё!» — подумал Аркадий. — «Сейчас-то зачем выпендриваться, чай, не первый день знакомы!»

— Чай, чай, чай! — радостно подхватил гостеприимный хозяин. — Спасибо, что напомнили, а то уже внутри всё ссохлось. Перебрал я вчера, да и сегодня добавил, простите великодушно!

— Мысли без спросу читаете?

— А как же! На том стоим! Расслабьтесь, после чая я вам такое покажу!

— Что это за люди приходили?

— Мои друзья.

— С Украины?

— Какая проницательность! Кстати, как вам мой южнорусский прононс?

— Это они вас Мыколой называли?

— А кого ж еще?

— Так и вы… сами… с Украины?

— Врать не буду: я НЕ с Украины.

— И сколько ж языков вы знаете?

— Все!

— Да ну?!

— Жизнь обязывает.

— А по какому делу приходили эти люди?

— Ни по какому, просто пообщаться.

— Не лукавьте, я ведь заметил, как они вручали вам гонорар.

На столе, рядом с бутылками и огрызками, лежали мятые бумажки, которые он даже не потрудился пересчитать. На вскидку там было в эквиваленте долларов триста.

— Вы про эту мелочь?

— Да!

— Это ничего не значит. Сувенир. Я просто позвонил кое-куда, и мы все вместе разрешили один вопросик. Благодаря моим настоятельным просьбам им позволили строиться на том участке, за который они уже пять лет воюют. Дело пустячное, даже говорить не о чем. Дачный домик, фанера. К тому же, находится в страшной глуши, верст этак четыреста от Центрального Почтамта. Мне всё равно, а им — приятно. Разве в домиках счастье?

— А в чём же? Уютный домик — основа основ.

— Самая большая роскошь — человеческое общение. — К сожалению, лишь очень немногие это понимают…

Чай был заварен зелёный. Давилов оправдывался.

— Извините, не осведомился о ваших предпочтениях. Сейчас придут узбеки, а они пьют только зелёный.

— А узбеки по какому поводу?

— Тоже пообщаться. Я только и делаю, что общаюсь. Мне так веселее, не люблю один скучать!

— А эта ваша, магия, ну… Вы же здесь и гаданием, как вижу, занимаетесь, судьбы предсказываете… Интерьерчик у вас — ништяк, любая гадалка позавидует!

Аркадий встал, чтобы получше разглядеть магические кристаллы, зеркала, свечи и прочие колдовские прибамбасы.

Давилов метнулся к нему, и силой усадил на место.

— Советую тут ничего не трогать! Это вам не игрушки!

— Ну, признайтесь, ведь колдуете маленько, предсказываете за деньги?

— Да, я и этим занимаюсь, но в меру. По просьбам трудящихся. Человеческое любопытство — категория вечная. Люди, желающие про судьбу узнать, никогда на этом свете не переведутся. Не ко мне, так к другим пойдут. Кстати, в других местах их могут обмануть, а я всегда только правду говорю.

— Тогда скажите, когда у меня, наконец, появятся деньги? Ну, хоть какие-то!

— Не какие-то, а вполне конкретные — двести тысяч долларов. Получите сегодня.

Советую тратить только на благие цели.

«Издевается», — подумал Аркадий.

— Ни грамма не издеваюсь! Кстати, из зарабатываемых мною денег я оставляю себе лишь малость. На текущие расходы…

— А остальные куда деваете?

— Спасаю беспомощных. Скоро и вы этим займётесь.

«Нашёл идиота!» — возмутился Аркадий, забыв, что и эта его мысль будет немедленно прочитана.

— Нет, Аркашенька, вы вовсе никакой не идиот. Будь вы идиотом, я бы вас к себе не пригласил.

— По-моему, я сам пришёл…

— Это вам так только кажется. Видите большой кристалл в углу? С его помощью я приглашаю в гости. Мне надоело наблюдать, как вы корчите из себя тяжелобольного, вот и решил вас немного встряхнуть, вытащить из вашего Медведково!

Давилов, как бы невзначай, включил телевизор. Аркадий вздрогнул. На экране замелькали знакомые рожи. Этих придурков на носилках он уже видел, и не по одному разу.

— Не волнуйтесь, это всего лишь запись. Я крутил её специально для вас, по отдельному каналу… негосударственному… Хотел, чтобы в вашей душе зазвучали давно заглохшие струны…

— А разве смотреть хронику… то есть, криминалку… меня кто-то принуждал?

— Именно я внушил вам такое желание.

— Так все эти олухи на носилках — ваши люди?!

— Прошу не обзываться! Где вы воспитывались? Вас так и тянет нахамить. А ещё потомственный инженер!

— Откуда вам известна моя родословная?

— Мне известно абсолютно всё. Пора уже привыкнуть. Мне известно даже, кто и когда собирается свести счёты с жизнью. У меня на потенциальных самоубийц целая картотека заведена. Пройдёмте туда.

Глава 12
«Мироновна во славе»

Комната, где размещалась давиловская картотека, по стилю очень сильно отличалась от других. Тут не было ни китайских шариков, ни разноцветных свечечек, ни таинственных запахов. В этой комнате царил дорогой евроремонт. Вдоль стен тянулись длинные зеркальные шкафы, верхней частью упиравшиеся в гладкий, совершенно белый потолок.

Давилов открыл один шкаф, и Аркадий узрел несколько рядов цветных досье.

— Вы хотели видеть досье беспомощных людей? Пожалуйста! Вот беспомощные по Москве, а это — областные папки…

— Негусто!

— Более, чем достаточно! Надеюсь, вы с Шамилем будете о них хорошо заботиться.

На время моего отпуска я вверяю всё это богатство вам. Устал я… Надо в отпуск слетать, развеяться… Мне тут на днях цыгане снились. Бродячий народ, беспокойный…

— А как вы этих… маньяков-самоубийц… вычисляете? Их ведь с помощью метро не определишь!

— Путём обычной медитации… На самом деле, беспомощных у нас в стране не так уж много… Народ живучий, мужественный… Стоять в подземных переходах и в метро торгуя всякой дешёвкой, да при этом в петлю не лезть, нужно большое мужество… А теперь оглянитесь!

Аркадий глянул на противоположную стену и обомлел. На совершенно пустой до этого, белой стене, вдруг, неизвестно откуда, возникло живое изображение: подземный переход, старухи рядами, а среди них… Мироновна!

Дешёвый кошмар сменился другой картинкой: лето, ВДНХ, фонтан «Дружба народов».

Странно, не далее как час назад, проезжая тоннелями подземки, он почему-то вспоминал этот фонтан.

— Ну, как фонтанчик? Не ожидали? А разве вы час назад не его вспоминали? Он вам ещё детство напомнил… Ну же, признавайтесь, мне врать бесполезно!

— Надо же, какой красавец! И позолота вся на месте! Как во времена Олимпиады-80!

— Ну, знаменит этот фонтан был намного раньше, ещё в 50-х… И тогда позолота была отменная…

— А сейчас — ни позолоты тебе, ни дружбы… От дружбы

осталась одна отрыжка!

— Что ж, какие времена, такая и дружба, ничего не поделаешь… Не расстраивайтесь, времена меняются. Однако, мы отвлеклись. Давайте снова перейдём в гостиную. Я дам вам с Шамилем несколько поручений. Вы ему потом всё передадите.

Аркадий, однако, любил конкретность.

— Что конкретно нам придётся делать?

— Ваши функции будут чисто диспетчерские, распределительские… Для практических задач мной сформирована специальная бригада, вы видели её по телевизору.

— По вашему каналу?

— Совершенно верно.

— Эти достойные люди нашли своё призвание. Я и вас приглашал, но вы, почему-то, упрямились… Вот и пришлось мне вас сегодня силой вытаскивать из вашей берлоги… из Медведково…

— Да уж, обидно, что ни говори… Мой дом отсюда — рукой подать, пешком можно добраться… А какие у них методы работы, если не секрет, у ваших… спасателей?

— Методов полно! Целая пропасть! Тут я разрешаю применять фантазию, ибо важен результат… У нас к каждому клиенту подход сугубо индивидуальный… Но принцип один, общий. Спасатели притворяются ещё более несчастными, чем их клиенты, и те, забыв о своих бедах, бросаются помогать им. Согласитесь: увидев человека в окровавленных бинтах, да ещё под собственным балконом, поневоле забудешь о себе…

— Как забыл тот парень, бежавший за носилками?

— Да. Его подруга бросила, вот он и собрался с собой покончить. Я его вовремя засёк, во время внеочередной медитации… Это был внеплановый случай… Моя бригада выехала тут же! Молниеносно! Они его удачно отвлекли, он одумался и теперь занимается благотворительностью.

— Бедным помогает?

— Пока что только кошкам. Питомник на дому организовал… Вонища!

— А мне вы разрешите немного пофантазировать?

— Валяйте, только вкратце…

— Бывают же и другие причины… хотеть расстаться с жизнью, а не только уход любовницы или гибель старушки-жены… Предположим, я — банкир!

— Да, действительно, давайте предположим, что ваша мечта сбылась!

— На меня наехали и хотят убить… но сначала собираются жестоко пытать…

— Ого!

— И вот, сижу я у себя на кухне, приставляю дуло к виску…

— Тут появляюсь я…

— Лично сам? А бригада?

— Дело в том, что никто из моей бригады не в состоянии взламывать замки на дверях новых русских. Я же открываю их при помощи взгляда!

— Ух ты!

— Итак, я появляюсь на кухне банкира в монашеской рясе и… предлагаю ему одеться в таком же стиле. Он потрясён и даже не сопротивляется…

— Да ну? Совсем ни капельки не сопротивляется?

Давилов исчез за ширмой и через минуту вышел оттуда в монашеской рясе.

— Он уверен, что монах — посланец из другого мира…

— А потом?

— Потом я беру новоявленного святошу за руку и вывожу его из квартиры. Нас, что характерно, никто не останавливает, и мы благополучно добираемся до монастыря, где экс-банкиру предстоит провести остаток дней…

— А если он потом… очухается… подумает-подумает и… откажется жить при монастыре?

— Ну, что ж… Тогда его враги подумают-подумают, снова найдут его и… уже совершенно точно… прикончат!

— А если… я вдруг откажусь?

— От чего?

— Ну, если я не стану отвлекаться на ваших ряженых-перебинтованных… Если наотрез откажусь им помогать?

— А! Ну, тогда мы наотрез откажемся от вас!

— Нет-нет, не надо! Не бросайте меня! Я хороший — Докажите!

— Дайте мне поскорей… какое-нибудь задание… Внеочередное!

— Зачем же внеочередное? Ваше задание ждёт вас давно… вот уже несколько дней… С тех самых пор, как мне впервые приснились цыгане… Вот уже неделю снятся… с песнями и плясками…

— Я, честно, говоря, цыган боюсь…

— Я сам боюсь… Но вам не стоит волноваться. Лично вам с ними общаться не придётся…

Глава 13
«Богатая старуха»

В конце беседы Давилов расправил плечи и произнёс:

— В честь Рождества… а также учитывая вашу не-су-свет-ную тягу к материальным ценностям… Я даю вам особо приятное задание!

— Неужели?

— Вам сегодня доведётся развлекать одну оч-чень богатую старуху, которая пятый год подряд пытается удрать на тот свет. Её надо будет отвлечь. Часиков до семи.

Потом можете быть свободны…

— Хм! Старушек я ещё не пробовал… развлекать… Интересно, каким образом?

— Не волнуйтесь, у вашей жены не появится повод для ревности… По сложившейся традиции, я разрешаю вам проявить фантазию… У вас, насколько я знаю, с фантазией всё в порядке…

— Нет, вы, всё-таки, скажите, что я должен делать… А то вдруг отмочу какой-нибудь… непотребный фокус…

— Ну, я не знаю… Расскажите бабушке сказки, почините ей что-нибудь… Главное — дотяните до девятнадцати ноль-ноль…

— А что, после семи она, как правило, уже не вешается?

— Она вообще не вешается. У неё другие методы, более изощрённые. Как-никак, польская дворянка… Ступайте, даст Бог, всё пройдёт благополучно…

Пока Аркадий одевался в прихожей, Давилов сходил в комнату и принёс запечатанный конверт.

— Это моё поздравление вам с Шамилем. С Рождеством. Советую открыть не раньше девяти вечера. Впрочем, что это я говорю? Я запрещаю вам открывать его раньше девяти вечера. Могу я на вас положиться?

— Вполне. Какая разница, когда читать открытки? Часом раньше, часом позже…

— Вот и отлично. Со старухой обращайтесь как можно галантнее. У Шамиля бы это лучше получилось, но его, к сожалению, трудно поймать… Короче, поезжайте к Ванде Казимировне, развлеките её, почините в доме всё, что только сможете. Сказки придумывайте подлиннее да поинтереснее… Заодно посмотрите, чтобы к ней в доверие не втерлись мошенники. На вас ложится двойная задача. Задача охранника и отвлекающего.

— Вы сказали, что она богатая, но… беспомощная?

— Да, она действительно беспомощна. По-настоящему беспомощных людей, как я уже сказал, не так уж много…

*****

На бумажке рукой останкинского гуру было выведено «Ванда Казимировна». Там же стоял адрес и номер телефона.

Подойдя к зачуханной хрущёбе, Аркадий в нерешительности остановился.

— Хм! Богатая старуха! Хоромы почти как мои…

Постояв-подумав, он вошёл в подъезд и стал неспешно подниматься по лестнице.

На втором этаже он увидел металлическую дверь с номером, указанным на бумажке.

Позвонив, услышал странное хихиканье. Кто-то громко высморкался…

Наконец, дверь отворилась, и Аркадий очутился лицом к лицу с чрезвычайно живописной старушенцией. Она была вся в кружевных оборочках, а в руке держала Библию. Её внешность излучала благостность, большие глаза светились, но уже не так ярко, как в молодости. Вылитая Беата Тышкевич!

На том лице лежала печать потусторонности, однако суицидом не пахло. Ни грамма загнанности, разочарованности, обиды на весь мир…

— Ванда Казимировна?

— Прошэ, — сказала старушка по-польски.

Дальше она говорила по-русски, но с очень большим акцентом.

— Вас ко мне прислал СтанИслав?

— М-да… Станислав… Авелевич…

— Ах, да, Иванович! Проходите…

Аркадий очутился в маленькой прихожей.

— Ну, зачем же он так беспокоится? По пять раз в день уборщицы, санитарки, монашки приходят… Я уже замучилась… Нельзя всё время быть таким… заботливым!

Зачем столько внимания к моей бедной персоне?

— Хм! Он почему-то считает, что вы оч-чень богатая!

Старушка снова жеманно захихикала и повела его в гостиную.

Аркадий поспешил заверить, что он никакой не уборщик, и, уж тем более, не монах.

— Не волнуйтесь, я вам тут много пыли поднимать не буду. Уколы не по моей части, а молиться я и вовсе не умею…

— Вот как? — изумилась кружевная бабушка. — Что же вы тут собираетесь делать?

Так вы… от Станислава или нет?!

— От него, от него, не бойтесь… От лысого и очень умного… Ссс… Станислава… Ппп…

Петровича…

— Ах, да, от Теодоровича!..

К счастью, она была туга на ухо, а с памятью вообще монтана.

— Я и забыла! Кажется, у него именно такое отчество! Он всегда всех по отчеству называет и к себе тоже требует уважения! Такой галантный молодой человек! Такой воспитанный!

Аркадию стало смешно. Когда это Давилов называл кого-нибудь по отчеству?

— И что же он вам поручил?

— Он сказал, что я должен вам что-то починить… типа столы-стулья…

— Ах, хитрец, все помнит. Я могу забыть, а он помнит! Что ж, проходите в спальню…

Посмотрите, это — главный прэдмет моей жизни… Надо его чинить или нет?

Старуха жестом указала на соседнюю комнату. Аркадий вошел туда и увидел… гроб!

— Не пугайтесь, просто мне уже пора! Какой… сенс чинить столы, стулья и другие вещи, если уже завтра… ЗАВТРА!.. они мне не понадобятся…

Таки Давилов был прав. Старуха самоубийца!

Аркадий ласково, даже искательно, заглянул ей в глаза, потом взял под локоток, подвёл к креслу, стал усаживать… И, надо сказать, очень вовремя это сделал.

Старуха выпучила глаза, стала задыхаться, схватилась за сердце и… обмякла!

Аркадий набрал номер Давилова.

— Не волнуйтесь, ничего страшного не произойдёт… — услышал он в трубке.

На том конце играла музыка. Слышались вакхические возгласы и завывания…

Веселились очередные гости.

Аркадий опешил. Ну и ну! Человек умирает, а он злорадствует и цинично заявляет, что ничего страшного не произойдёт… Он был готов к любым странностям со стороны бывшего шефа, но чтобы тот оказался таким идиотом!

— Так вам всё равно, что с ней будет?

— Если что, вызывайте «скорую», а сами уходите…

— Может быть, всё-таки, приедете и хоть чуть-чуть

поможете?!

— Не могу… Я сам почти готов… Жду вас вечерочком у себя… Заходите вечерком, не стесняйтесь…

Давилов еле ворочал языком. Потом в трубке раздались короткие гудки… Надо же! «Готов!»

Нализался, сволочь… А ещё говорил, что пить умеет!

Нет, он не изменился… С этим Давиловым по-прежнему надо держать ухо востро. То батюшку изображает, то уголовника. Затея тухлая, пора смываться, пока менты не нагрянули…

Глава 14
«Не обижайтесь на склероз»

Старухе полегчало. Он выпрямилась в кресле, расправила кружева на груди.

— Аркадий!..

Аркадий ощутил невнятную тревогу. Откуда она знает, как его зовут?!

— Если я не успею вам… Может быть, я не успею вам дать команду… Ой, как трудно говорить по-русски, когда такая старая голова!

Её польский акцент усилился.

— В общем, если я начну себя странно вести… Положите меня… в гроб!

Аркадий поёжился. Он ещё в жизни никого в гроб не укладывал.

Старуха, тем временем, принялась философствовать.

— Потом будет жизнь… загробная… А сейчас она… окологробная… Я правильно выражаюсь?

— Грёбаная-грёбаная, всё правильно, жизнь такая, что… Выражайтесь, не стесняйтесь, тут все свои!

— Что вы?! Что вы?! Я не могу так ругаться! Вы меня плохо… услышали! Меня не надо просить так ругаться. Перед отходом туда…

Старушка закатила глаза и стала с достоинством молиться.

— Перед отходом в небесный дворец… к моим предкам… мне надо вести себя осторожно… надо оставлять… всё плохое на земле… Мои предки были очень знатные… графы, короли… Вы меня извините, но… мат надо оставить здесь!

— Это вы меня извините…

— Дайте мне, пожалуйста, мой фамильный Альбум!

На серванте было много разных книжечек, бутылочек с лекарствами, коробочек, ленточек, тряпочек… Полный старушечий набор.

Поискав среди этого хлама, Аркадий, однако, фотоальбома не обнаружил.

— Ой, не обижайтесь склероз! Альбум в третьей комнате… Пройдите туда… туда, туда… Там, там, там! — замахала она узловатой старческой рукой в перстнях.

В третьей комнате стоял запах валерьянки и наблюдался идеальный порядок. Видно кто-то из домработниц (или домработников!) совсем недавно тут побывал.

Обстановка ничем не поражала. Не было ни комода красного дерева, ни стульев «из дворца», ничего похожего. Вероятно, всё старухино богатство лежало в банке. Что ж, вполне современно…

Старинный «Альбум» лежал на кровати, среди вышитых подушек и подушечек.

Приоткрыв его, он заметил внутри аккуратно и очень симметрично расположенные фотографии. Всё было в строгом хронологическом порядке, под каждым пожелтевшим фото выведена дата, а все надписи были сделаны латинскими буквами с непонятными хвостиками. Видимо, по-польски.

Вернувшись в комнату, он опять застал старушку в молитве. Она крестилась по-католически, подняв глаза к потолку, будто разглядывала люстру…

Зазвонил мобильник.

— Ну, как она? — снова послышался голос Давилова.

На том конце по-прежнему играла музыка.

Аркадий окончательно запутался. Экс-шеф зачем-то срочно вытащил его из Медведково, потом долго удивлял странными гостями, а теперь вот, отослав его к полудохлой безумной старухе, сам развлекался во всю, да ещё непонятно с кем!

Внезапно в трубке раздался грохот, звон битой посуды… Затем образовалась тишина.

Не было слышно ни звука. Гудков тоже не было…

— Алло! Алло! — надрывался Аркадий.

Ему никто не отвечал.

После короткой паузы снова включили музыку, врубили на полную катушку. Потом кто-то бросил трубку на рычаг, и раздались короткие гудки…

Он повернул голову к старухе. Её тело съехало вниз, глаза были стеклянны.

Казалось, она умерла.

— Ванда Казимировна!

Старуха шевельнула пальцами в перстнях и отчетливо произнесла с закрытыми глазами.

— Не так быстро, Вася… Ва-сень-ка…

Её рука безжизненно повисла. Ничего не оставалось, как набрать «03»…

Уходя, Аркадий оглянулся на старуху. Губы её шевелились, она продолжала бормотать, но её польский акцент куда-то подевался. Ну и дела!

Он опрометью метнулся к двери.

— Вася, подожди… не так быстро… Вася!!! Ва-сень-ка!!!

Аркадий плюнул, чертыхнулся и выбежал из квартиры.

Преодолевая лестничный пролёт, он нервно вздрагивал.

Старуха не просто кричала, надрывалась, стерва.

— Ва-а-а-ся-я-я!!!!!!!

Аркадий приостановился, глянул вверх.

— Никак опять засклерозило? Какой, к чёрту, Вася?! А Петю не надо?! Старая крокодила… Я-то думал, ей «мерседец» пришёл, а она вон как орёт! Тьфу, чтоб я ещё раз связался с ненормальными!..

Аркадий катился вниз по ступенькам, пыхтя как взломщик-неудачник… Снова засада…

А ведь как благородно всё начиналось!

Глава 15
«Актёр дома культуры»

Выбежав из подъезда, Аркадий натолкнулся на машину скорой помощи, но в разговор с врачами не вступил. По вполне понятным причинам.

Дверь старухиной квартиры он догадался оставить приоткрытой. К счастью, когда он покидал квартиру, на лестничной площадке не было ни души. Не хватало ещё, чтоб его загребли по делу об убийстве!

Он даже не знал фамилии старухи Ванды. Он вообще ничего про неё не знал.

Фигурировать на процессе в роли грабителя и убийцы ему совсем не улыбалось.

И вечно этот Давилов втянет его в историю! Нет, он общался с ним в последний раз, хватит! Аркадий глянул на часы и обомлел. Девятнадцать ноль-ноль! Он таки сумел развлечь старуху «часиков до семи»!

Подойдя к подъезду Давилова, он увидел примерно ту же картину, что и возле дома старухи Ванды. Только кроме кареты скорой помощи там была еще и милицейская машина.

В подъезде на него, как и днём, налетела массивная женская фигура. Снова Чунькина! Зинуля была вся в слезах, размазанная тушь делала её похожей на чудовище из детского триллера.

— Аркаша, стой! Тут у нас такое случилось! Его убили!

— Кто?!

— Цыгане! К нему тут всякий сброд ходил, вот и допрыгался!

Допрыгался, тут Чунькина была права.

Поднявшись пешком наверх, ибо ждать лифта не было мочи, Аркадий заметил, что дверь в квартиру Давилова приоткрыта. Точно в таком же приоткрытом состоянии он час назад оставил старухину дверь…

В квартире было полно народу. В той комнате, где они с шефом завтракали борщом и пловом, на полу лежало тело, накрытое простыней.

«Он», — подумал Аркадий.

У стола сидел мужчина в милицейской форме и что-то записывал. Видимо, составлял протокол. Рядом с ним валялся на коленях рыдающий цыганёнок. Он порывался удрать, но его всё время хватали за шиворот.

— Вы Аркадий? — спросил милиционер.

— Да, именно я и есть Аркадий…

— Тогда читайте…

Аркадий заглянул в конверт и обнаружил там записку.

«Извините, что не объяснил вам раньше. Сегодня мне снова снились цыгане, и я понял, что пора. Спасибо, что придержали Ванду Казимировану. Без неё бы я там ничего не нашёл. Погощу у старушки денька четыре, а потом отправлюсь в пункт моего назначения. Привет Шамилю. Ваш друг Василий».

Лицо мента посуровело.

— Кто такая Ванда Казимировна?

— Старушка-полька… Но с московской пропиской!

— В каких отношениях она состояла с Печатниковым?

— С кем?!

— С трупом.

Милиционер кивнул в сторону тела, накрытого простынёй.

— Не знаю…

— Не знаете? А что же он с вами так откровенничает? Что он собирался искать у старухи? Чего он без неё не нашел бы?! Может, он пытать её собирался?! Утюгом?!!

Или паяльником?!!!

— Да я вообще здесь впервые! То есть, за сегодня… второй раз зашёл…

*****

Только в участке Аркадий узнал, как именно цыгане убили Давилова. Ударили тяжёлым предметом по голове. Вероятно, хотели ограбить. Оно и не удивительно.

Если устроить в квартире проходной двор, а купюры раскладывать на столе вместо салфеток, то даже ангел не удержится от искушения…

Суровый мент не собирался ставить точку в деле.

— Так вы отрицаете свою причастность к делу?

— К какому такому делу?! Это мой давнишний знакомый… Мы с ним очень давно не виделись… Зашёл случайно… Ведь сегодня Рождество…

— Ага… только Рождество днём было… в смысле, уже прошло… А праздновали вы, почему-то, по отдельности! Вот вы сейчас откуда нарисовались, а?!

— Старушку навещал…

— Признавайся, гад! Ты, часом, не наводчик?! А то щас пойдёшь унитазы пидорасить!..

Ситуацию спасла ворвавшаяся Чунькина. Она преданно ждала Аркадия в коридоре, чувствуя, что его могут арестовать.

— Да какой из этого тюфяка наводчик! Он актёр! Мы все актёры! Дружили с покойным, ходили к нему в гости… Вася школу снимал, для бизнеса, а мы в порожних классах у него хохмили… то есть, репетировали!

— Выходит, он ваш благодетель? Так вы ему ноги должны были мыть!

Мент сострил вполне удачно, но Чунькиной по юмору в районе равных не было. По крайней мере, в рамках РУВД.

— И ноги мыли, и этой водой подмывались, всем коллективом, не сомневайтесь!

Мент хотел обидеться, но сексуальный голос Чунькиной к обидам не располагал. Он распологал к интиму.

— На театральный фестиваль мы готовились, если серьёзно… Международный фестиваль, между прочим, на носу! У него в шкафах наши костюмы, можете проверить!

— То есть, этот прыщ тоже актёр, да?

— Да! Только он из другого театра. Из дома культуры он, вот!

— А зачем покойник оставлял ему записку? И старуху зачем было придерживать?

Покойник собирался у неё ночевать, в то время как у самого оч-чень даже шикарная квартирка имеется?!

— Да это пьяный бред! Васенька регулярно лечился. Глюками страдал. Сколько раз откачивали!

— Точно, алкоголик? Правду говорите?!

— Ну да! Вы же сами видели, что творится у него в квартире!

Глава 16
«Полный улёт!»

В общем, Аркадия выпустили. Благодаря Чунькиной.

Иногда и такие экземпляры, вернее, экземплярши могут быть полезны. Теперь он, оказывается, ещё и актёр! Дома культуры!

Вскрытие показало, что старушка умерла естественной смертью. Состояние сердечной мышцы и сосудов было таково, что врачи-патологоанатомы удивлялись, как это она не переставилась ещё пять лет назад.

Одному Аркадию было всё доподлинно известно. Ванда Казимировна ждала Давилова.

Ему пять лет назад было ещё не время. Он боялся, что «там» без старушки заблудится, хотел, чтоб она его проводила…

Правда, в последнее время её терпение начинало лопаться, а он всё был не готов, да не готов. Мирские проблемы заели…

Теперь все эти суматошные проблемы лягут на его, на Аркадия, плечи… Теперь он будет спасать несчастненьких! На пару с Шамилем.

Давилов и после смерти их достал. Ну и ручищи.

Открыв подаренный Давиловым поздравительный конверт (ровно в девять вечера, как и было приказано), Аркадий обнаружил банковский чек на имя племянника. Как выяснилось, на счету Шамиля вот уже месяц, как лежала кругленькая сумма: двести тысяч долларов. Двести тысяч у.е. на благотворительность.

Так вот про какие неожиданные деньги твердил ему философ-юморист!

Там же лежало заверенное нотариусом завещание. Офис на проспекте Мира тоже переходил Шамилю. Видно, Давилов давно уже знал про свою смерть, только точной даты не мог добиться у космоса…

Аркадий, дабы развеяться, долго бродил по вечерним улицам. Домой вернулся глубокой ночью. Даже Риммочка не дождалась — уснула, оставив ему свет в прихожей.

Он тоже лёг и моментально вырубился. Ему приснились чудеса, каких он в жизни не видал.

Сначала он посетил хрустальный дворец. Там всё было усыпано драгоценными камнями, а мебель — из чистого золота. Разве на такой мебели сидят? Твёрдо же!

В большом центральном зале к нему вышли старушка Ванда и экс-Давилов, оба в ангельских одеждах. Они ему что-то

кричали, но слов не было слышно. Потом их отвлёк… мобильник! Да-да, всё так и было! Экс-Давилов достал из-под белого крыла телефон и стал с кем-то болтать.

Потом, не отрываясь от мобильника, Давилов жестом дал Аркадию команду идти к окну. Аркадий послушался, подошёл к окну, а за ним — территория ВДНХ. Он зажмурился и… прыгнул!

Приземлившись, Аркадий открыл глаза. Перед ним во всей доперестроечной красе сиял фонтан «Дружба народов».

Фонтан был свежепозолочен, специально для Олимпиады-80. Вокруг всё переливались радугой струй, искрящихся на солнце…

Собственно, почему он решил, что попал в 80-е? Ведь это чудо было создано намного раньше, ещё в 1950-х!

Вдруг Аркадий заметил кота.

В фонтане плавал грязно-рыжий кот, мордой похожий на Иосифа Джугашвили. В природе встречаются такие коты. Аркадий не сдержался и крикнул:

— Ну и дела! Котяра плавает! Когда такое было?

— Каму кацяра, а каму — Сосо, луччий друг всэх-х-х народов!

Грузинский акцент и после смерти никуда не девается.

— Какую я вам дружьбу арганизаваль? А?!! А гдэ спасиба?! Нэ слышю!!!

Кот сделал попытку влезть на верхушку фонтана.

— Сичас рэчь буду праизнасить!

— Слезай, скотина! Наслушались твоих речей!

Кот, злобно шипя, стал уползать.

— Бэз миня бв вы всэ падох-х-хли! Я вас 30 лет ат Запада ах-х-раняль! Пачти всэ цэлие асталис!.. Царя абыжяли — ай, нихарашё! А минэ ни так лэгко абидэт!

Аркадий хотел дать ему пинка, но не получилось.

— В лагэрэ дисциплина была — закачаесся! Никто дверями не дрался! Даже в мыслях-х-х нэ имэль!

Ну, нет! Пора кончать этот беспредел. Аркадий нашел камешек побольше, прицелился…

— Вали отсюда по-хорошему! Тоже мне — ангелочек нашёлся! Ты же самый, что ни на есть, кровавый Каин!

Увидев камень, кот дал стрекача. Удирая, он оглянулся и снова зашипел.

— Убыйцы!!!

— От убийцы слышу!

Неожиданно для себя Аркадий оказался на верхушке фонтана. Подмышкой он ощутил что-то тяжёлое. Ба! Маленький золотой телевизор! А тут ещё, откуда ни возьмись, прибежала толпа советских граждан, одетых по моде конца 1950-х.

Люди плотной толпой окружили фонтан, стали что-то

выкрикивать.

Аркадию почудилось, что его хвалят, и он растрогался до слёз.

— Товарищи! Грядёт эпоха телевизора! Великая вещь, скажу я вам, объединяющая!

Пока он тряс позолоченным ящиком, из толпы раздался голос мальчика:

— Дяденька! А телевизоров без линзы не бывает!

Аркадий строго глянул на выскочку.

— Вырастешь — и не такое увидишь!

По рядам взрослых прокатилось оживление.

— Люди! Ведь это пришелец из будущего!

— Да нет, обычный аферист!

— Сектант, не иначе!

— Хватайте его!..

Перепуганный Аркадий взмыл в небо и неожиданно увидел под собой Париж. Жуткие ужасы исчезли. Полетав, он приземлился на Елисейских полях, стал вдыхать знакомый прозрачный воздух… К сожалению, не очень долго.

— Хватай его!

Сзади налетели какие-то двое и закружили его в вальсе. То были его старые подруги, феи в розовых пальто!

Они все втроём поднялись в воздух и стали парить над городом. Поднялись туда, где даже не всякая птица летает. Даже выше Эйфелевой башни…

Потом ринулись вниз, на тротуар, где обычно прогуливаются парочки. Только сейчас там было пусто, и можно было летать беспрепятственно. На любой скорости.

Дамочки крутили и швыряли Аркадия, подбрасывали его вверх, ловили, а потом подбрасывали снова… До тех пор, пока он не шмякнулся на скамейку.

Шмякнувшись, Аркадий начал гладить деревянное сидение.

— Дорогая скамеечка, — пробормотал он, — на тыщу евро потянет… Ага! Вспомнил!

Эти скамейки по телевизору показывали… В передаче про Париж!

Феи улетели прочь, чмокнув его на прощание с двух сторон. На щеках остался запах духов. Боже, какой аромат! Аркадий завыл от волнения.

— Снова ноешь? Какие скамейки? — возмутилась Риммочка.

— Да никакие… Ты лучше скажи, что за духи…

Аркадий стал усердно водить носом.

Риммочка глянула на него странным взглядом и отвернулась к стене.

— Нет, ну, знакомый же запах! Правда, не знаешь?
— Не знаю…